

ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ

М. М. Соколов

Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии¹

СОКОЛОВ Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социологии образования и науки Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия).

Email:
sokolvmikhail@yandex.ru

В статье рассматривается история возникновения и организация основных рынков социологического труда в позднем СССР. Она начинается с описания ниш, которые новая специализация заняла в советских академической и профессиональной «экологиях» (Э. Эбботт), и заложенных в этом разделении труда конфликтов. Анализируются деление на субспециализации и характеристики тех, кто к ним принадлежал. Обсуждается роль политического патронажа со стороны философских партруководителей. Наконец, рассматривается механика распределения академических и профессиональных позиций и контрактов.

Ключевые слова: история советской социологии; социология науки; социология профессий.

1. Дисциплинарные — профессиональные ниши

Экологический подход, изначально использованный Эндрю Эбботтом для описания эволюции систем профессий (*professions*)² [Abbott 1986; Abbott 1988; Abbott 2001], может с успехом быть применён к сравнительному изучению истории социологий. Эбботт предлагает рассматривать развитие профессиональных специализаций прежде всего с точки зрения конкуренции с другими специализациями за легитимный контроль над областями экспертизы. Выигрышем в этой конкуренции становится монополия на ав-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», грант № 10-01-0118, проект «Тропы славы: Паттерны вертикальной мобильности в постсоветских социальных науках». Оно никогда бы не осуществилось без помощи Бориса Максимовича Фирсова, благодаря которому я осознал, как важно изучить прошлое советской социологии, чтобы понять её настоящее. Сотрудничество с Виктором Вахштайном, Катериной Губой, Дарьей Димке, Татьяной Зименковой, Ольгой Королевской, Вероникой Костенко, Марией Сафоновой, Кириллом Титаевым и Софьей Чуйкиной сделали текст лучше, чем он был бы без их помощи. Я благодарен также за критику и рекомендации участникам семинара 18 мая 2011 г. в Томском государственном университете и двум анонимным рецензентам журнала «Экономическая социология». Разумеется, никто из тех, кого я назвал, не ответственен за ошибки и недочёты итогового варианта.

² Термин «профессия» здесь и далее используется как перевод английского *profession*, то есть в более узком смысле, чем это слово имеет в русском языке. «Профессии» отличаются от других оплачиваемых «занятий» (*occupations*) тем, что они: (а) предполагают университетское или иное длительное специализированное образование; (б) основной формой работы в них является оказание услуг по контракту частным клиентам; (в) наличествует сильное профессиональное объединение, которое берёт на себя контроль за поддержание стандартов. Примеры подобного словоупотребления см. в классических работах: [Hughes 1958; Strauss 1971].

торитетное суждение в отношении какой-либо проблемы. Когда борьба завершена, то статус экспертов, чьё мнение должно быть услышано, оказывается зарезервировано за сертифицированными представителями определённой корпорации. Только дипломированные медики имеют право ставить диагноз и прописывать лечение; покушение на это право со стороны непрофессионалов может повлечь за собой уголовное преследование.

Далеко не всякая профессиональная группа, однако, добивается полного «делегирования суждения» [Start 1982] её представителям в области, на которую она претендует, или потому что «люди с улицы» сохраняют веру в то, что могут разобраться в ней не хуже профессионалов, или потому что другие группы профессионалов пытаются закрепиться на той же культурной территории. Так, в случае медицины мы, как правило, добровольно передаём врачам право суждения в отношении собственного здоровья, основываясь на вере в превосходство их научного взгляда над нашим, обывательским. Но в других случаях это делегирование происходит не столь безропотно: редкий автор научного журнала внутренне соглашается с тем, что корректор с филологическим дипломом действительно обладает тем превосходством во владении родным языком автора, которое себе приписывает. Степень легитимного контроля со стороны профессиональной группы (прикладные лингвисты) над областью проблем (стилистика и правописание) здесь оказывается под вопросом.

Далее, некоторые области экспертизы оспариваются сразу несколькими профессиональными группами. Колоритным примером такой борьбы, в которой ни одна сторона не смогла победить окончательно, могут служить тянущиеся уже полтора столетия тяжбы российских медиков, психологов, социальных работников, священнослужителей и сотрудников правоохранительных органов за суверенитет над областью проблем, связанных с потреблением алкоголя. Являются ли пьющие психически больными, подлежащими лечению (возможно, принудительному), жертвами социальных или психологических обстоятельств, нуждающимися в помощи, злостными правонарушителями, заслуживающими наказания, или грешниками, которых нужно побудить покаяться? На протяжении столетия спорная территория делимитировалась неоднократно, причем границы, как правило, очерчивали какое-то компромиссное решение (*settlement* в терминологии Эбботта): так, Лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) в СССР принадлежали к ведению Министерства внутренних дел (МВД), но оперативно управлялись медиками.

Только что использованное уподобление областей экспертизы территориям делает изложение проще, но простота эта обманчива. Строго говоря, «территории» отчётливо оформляются лишь после того, как возникают группы, устанавливающие над ними контроль. (Была ли «экономика» прежде, чем появились экономисты [MacKenzie 2005]?) До того существуют лишь расплывчатые совокупности задач практического или интеллектуального плана, которые могут быть сгруппированы самым разным образом и отнесены к самым разным более общим категориям (Эбботт называет их *arenas* [Abbott 2001: 249]). То, что мы называем душевными расстройствами, существовало, видимо, всегда, но их отнесение к проявлениям потустороннего мира, медицинским заболеваниям, следствиям психологических или социальных проблем было результатом конкуренции между группами, претендовавшими на утверждение своей юрисдикции в этой печальной области. Выбор одной из категоризаций в конечном счёте происходит на основании того, что предполагаемое ею решение (экзорцизм, медикаменты, хирургическое вмешательство, групповая терапия) кажется более наглядно эффективным, чем решение, вытекающее из конкурирующих категоризаций. Пример душевных расстройств показывает, что иногда ни одной из сторон не удастся доказать своего безусловного превосходства. Способность медикаментов устранять некоторые, особенно социально проблематичные, симптомы не всегда окупает ощущаемое нами противоречие между скрытой идеологией их использования и нашими представлениями о человеческом

достоинстве; напротив, соответствующая нашим представлениям о достоинстве терапия оказывается мало что способной поделаться с симптомами. Крайняя расплывчатость самих понятий «наглядность» и «эффективность» чрезвычайно способствует сохранению подобной культурной неопределенности³.

То, что написано о профессиях, может быть применено и к академическим дисциплинам; сам Эбботт сделал это в последующем развитии своей теории [Abbott 2001]. Фактически академические дисциплины и профессиональные группы часто связаны между собой, являясь как бы представительствами друг друга в двух параллельных «экологиях» — университетской и профессиональной. Подобные представительства Эбботт называет «аватарами». Профессиональная группа получает за счёт существования академической дисциплины-аватары возможность регулировать приток новых кадров и соответственно предложение на рынке труда и размер монополистической ренты⁴. Академическая дисциплина получает за счёт существования профессиональной аватары постоянный спрос на свои образовательные услуги со стороны студентов с практическими устремлениями, которые никогда не станут прямыми конкурентами своих преподавателей, а также дополнительные заработки. Классической темой в исследованиях профессий является то, что эти две группы выбирают для себя различные модели работы и критерии достижения, обычно глядя друг на друга несколько свысока. Академические группы стремятся к признанию в кругу коллег, а профессиональные — к удовлетворению потребностей клиентов. Первые часто заявляют, что занимаются «удовлетворением собственного любопытства за государственный счёт», и произносят на банкетах тосты за «чистую науку, которая никогда никому не принесёт пользы»; вторые видят во всём это свидетельство торжества интеллекта над моралью и социальной ответственностью. Время от времени противоречие достигает такой интенсивности, что академическая и профессиональная группы создают враждующие между собой ассоциации.

Для сравнения развития социологии в разных странах экологическая перспектива предоставляет обширные возможности. Несмотря на повсеместный рост в 1960–1970-х годах, положение, занятое социологией в новом разделении академического труда, нигде нельзя было назвать надёжным. Территории, которые дисциплины и связанные с ними профессии объявляют находящимися под своей юрисдикцией, могут представлять собой следующее: (а) предметную область (например, изучение прошлого или бессознательного); (б) метод (например, раскопки или интерпретация сновидений); (с) способ рассуждения (например, марксизм или кибернетика); (d) какую-то комбинацию всего этого (например, психоанализ, археология или математическая экономика). Юрисдикция социологии по всем этим измерениям была уязвимой. Полного делегирования суждения в отношении какой-либо предметной области не произошло, и большинство людей с улицы сохранили веру в то, что в обстоятельствах своей общественной жизни они понимают больше университетских профессоров (в отличие, например, от

³ Эта тема получила, вероятно, наибольшее развитие в литературе по социологии научного знания. Среди критериев, по которым оценивается эффективность новой теории, фигурируют следующие: минимальные противоречия тому, что считается установленными фактами и господствующими взглядами; возможность решения практических задач (включая чрезвычайно частные; например, роль простоты производства вычислений при составлении эфемерид как решающего аргумента в пользу принятия гелиоцентрической системы); техническая и экономическая осуществимость дальнейших исследований при принятии данной модели по сравнению с запретительной ценой принятия альтернативных; наконец, конгруэнтность общим космологическим представлениям, включая считающиеся совершенно ненаучными (множество разнообразных примеров см. в: [Lynch 1995]). Очевидно, что это очень разные критерии, часто не имеющие никаких обоснований в терминах научной методологии. «Наглядность» при ближайшем рассмотрении оказывается столь же неопределённым понятием.

⁴ Таково обычное социологическое объяснение стремления любого оплачиваемого занятия в капиталистических обществах к превращению в полноценную профессию; долгий и намеренно усложнённый образовательный процесс уменьшает число присоединяющихся к корпорации, что сокращает предложение и увеличивает конкурентную цену [Tullock 1975; Sorensen 1995]. Действительно, иначе, видимо, невозможно понять, зачем медики продолжают учить латынь. Дежурное объяснение, что она сохраняет статус «языка международного профессионального общения», неубедительно в свете того, что (а) подавляющее большинство практикующих врачей никогда в жизни не участвуют ни в каком «международном общении»; (б) меньшинство едущих на интернациональные исследовательские конференции разговаривают там по-английски.

веры в то, что каждый — лучший судья своему здоровью, которая не пережила культурной экспансии медицины). Более того, представители соседних дисциплин чувствовали себя вправе вторгаться в области, которые социологи считали своей территорией⁵. Хотя до некоторой степени социологи стали ассоциироваться с массовыми статистическими исследованиями, особенно с опросными, сепарация с поллстерами лишила их монополии в этой области в глазах публики, а сам метод был недостаточно специфичным, чтобы обеспечить отдельную нишу на уровне академической экологии. Хуже того, сравнительная автономия поллстеров в большинстве западных стран лишила академическую социологию тех преимуществ, которые дисциплина получает от наличия профессиональной аватары: поллстеры зачастую отказывались от её образовательных услуг, резонно полагая, что Парсонс мало помогает при изучении рынка пакетированных соков⁶. Наконец, способы рассуждения слишком быстро мигрировали из одной академической дисциплины в другую, а сама социологическая традиция была чересчур неоднородна, чтобы обеспечить узнаваемую идентичность. Ближе всего к социологическому *heartland*⁷ у находились исследования социальной стратификации — объекта, на изучение которого у социологов есть эксклюзивное право, — но движение в любую сторону от этого центра быстро приводит нас в спорные области.

Экологическая история советской социологии вращается вокруг того факта, что под её юрисдикцией оказались две изолированные ниши; благодаря первой из них она получила имя, а благодаря второй — основной рынок труда. Первой из этих ниш, сугубо академической и возникшей в недрах философии, была критика буржуазной социологии, второй, преимущественно профессиональной, — прикладные исследования социальных проблем.

Принято считать, что основным конкурентом социологии в академической экологии СССР был исторический материализм. Его позиции придётся охарактеризовать в нескольких словах. В юрисдикции марксистских философов находилась интерпретация корпуса текстов, содержащих, как считалось, единственно верное учение. Их основная работа разворачивалась в двух направлениях — оборонительном и наступательном. Задачей оборонительного направления было доказывать соответствие этого корпуса тому, что официально считалось в данный момент реальностью (например, обосновывать провозглашённую приверженность СССР идее мирного сосуществования с позиций марксизма-ленинизма). Наступательное направление производило проверку какого-либо корпуса текстов на соответствие его предпосылок и способов рассуждения охраняемому канону и в случае несоответствия изобличало отступников⁷. Складывается впечатление, что постепенно число источников фактов, по отношению к которым философы занимали оборонительную позицию, росло. В 1930-х годах только решения высших партийных органов считались приближающимися к непогрешимости более, чем размышления главных партийных философов (примерно как решение церковного Собора считается стоящим выше мнения любого отдельно взятого богослова). Но уже к началу 1950-х годов, пользуясь влиянием, которое им дал атомный проект СССР, физики полностью обезопасили себя от набегов диаматчиков; за ними последовали химики, а к моменту падения Т. Д. Лысенко — биологи. Примерно до 1970 г., однако, граница между территорией, на которой господствовал истмат, и территорией, на которой социологи могли чувствовать себя в относительной безопасности, ещё не была проведена. Принято считать, что статья В. Ж. Келле 1972 г., подписанная также Т. Е. Глезерманом и Н. В. Пилипенко, в которой социоло-

⁵ Разумеется, социологи не оставались в долгу. Направление, доминирующее на страницах журнала «Экономическая социология», представляет собой рейд на исконную территорию экономистов.

⁶ Фактически во многих случаях существует разделение труда между фирмами, занимающимися экспресс-опросами общественного мнения для массмедиа и исследованиями рынка бизнеса (например, сетью центров Гэллага), и организациями, проводящими высокотехнологичные исследования с длинными анкетами, которые позволяют потом строить сложные каузальные модели, чаще всего для правительственного заказчика (например, Национальный центр исследований общественного мнения (National Opinion Research Center, NORC) при Чикагском университете). Насколько я могу судить, эти ниши, однако, повсеместно пересекаются.

⁷ Разумеется, это не все, чем занимались люди, называвшиеся философами, в СССР, но, кажется, данное описание охватывает то, чем было поглощено подавляющее большинство из них.

логи объявлялись специалистами, занятыми исключительно «конкретными исследованиями», сыграла роль делимитации. Вопросы урегулирования международных отношений оставались одним из важных направлений работы для учёных с обеих сторон, но речь больше не шла о полной аннексии.

Роль исторических материалистов в истории советской социологии не исчерпывалась тем, что они время от времени предпринимали воинственные вылазки в лагерь социологов. В некотором смысле сам этот лагерь появился в результате одной из таких вылазок, но только совершенной в стан буржуазной науки. В зону ответственности марксистских философов, работавших на философских факультетах и в московском Институте философии АН, входил сбор информации о новейших направлениях в развитии «буржуазной» и «мелкобуржуазной» идеологии, в том числе и социологии. Первый институтский сектор, о котором можно было сказать, что его сотрудники занимаются социологией (хотя и в весьма специфическом смысле), появился ещё в 1946 г. и специализировался на критике буржуазных учений (сектор М. П. Баскина; см. его историю: [Батыгин 1991]), снабжая академиков Г. Ф. Александрова, П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева информацией о манёврах противника на идеологических фронтах.

Изобличение буржуазных учений теряло бóльшую часть ценности в том случае, если его невозможно было донести до ушей слушателей из стран — младших партнёров по соцлагерю и представителей третьего мира, то есть тех, кто мог быть этими учениями прельщён. Это соображение советских политических стратегов накладывалось на другое, возможно, уже приобретшее к тому времени больший вес: СССР включился в долгую (и, как оказалось, обречённую на поражение) борьбу за паритет со странами НАТО, воспринимая любую область потенциального сравнения себя с противником как одно из полей боя в холодной войне. Сложно сказать, в какой именно момент произошёл перелом, после которого спокойная уверенность в своём превосходстве сменилась в СССР болезненной необходимостью постоянно доказывать себе и другим, что советский строй не хуже капиталистического, но именно она в значительной степени определяла направления советской политики в последние десятилетия существования страны. Мы увидим дальше, какую роль эта навязчивая потребность в избегании неблагоприятного сравнения сыграла в истории советской социологии. Так или иначе, международные социологические конгрессы, на которых делегаты из стран третьего мира остались бы один на один с идеологами капитализма, а отсутствие советских представителей могло трактоваться как признак отставания в области социальных наук, вызывало в этом контексте особенную озабоченность⁸. Поскольку в организации конгрессов и управлении другими делами Международной социологической ассоциации (МСА) принимали участие национальные ассоциации, общественная организация, которая могла бы представлять советскую социологию, возникла в 1958 г. С этого момента в СССР официально была социология.

⁸ Собранные в книгах Л. Н. Москвичева и Г. С. Батыгина документы демонстрируют, что именно этот аргумент был основной рационализацией для формирования первых делегаций [Москвичев 1997; Батыгин 1999]. Та же интерпретация предлагается Ж. Т. Тощенко в интервью, красноречиво озаглавленном «Социология в нашей стране возродилась сначала как политическая витрина» [Тощенко 2007]. Движущим мотивом академиков-философов, которые в эти делегации входили, их коллеги, впрочем, часто называют не столько неусыпную заботу об имидже государства рабочих и крестьян, сколько тягу к академическому туризму (см. интервью В. Семенова в кн.: [Батыгин 1999: 428]). Зарубежные поездки уже превратились к тому времени в один из основных символов классового статуса в СССР, и приглашение принять участие в мероприятиях в Льеже (1953), Амстердаме (1956) и Милане (1959) никак нельзя было упустить. Официально международные конгрессы Всемирной социологической ассоциации (International Sociological Association, ISA) считались кульминациями в жизни советских социологов, своего рода решающими поединками с идеологическим противником на Главной улице. Рубрика «Навстречу мировому социологическому конгрессу» неизменно возобновлялась на страницах журнала «Социологические исследования» (СоцИс), когда до очередного события оставалось год-полтора. Современный читатель может с любопытством обнаружить, что это одна из немногих рубрик, которая в неизменном виде пережила падение СССР [Губа, неопубликованная рукопись]. Конгрессы сохранили своё сакральное значение в России, несмотря на очевидное пренебрежение этими пунктами слёта академических туристов со всего мира со стороны надменной элиты из социологических метрополий. Излишне говорить, что аналогичной рубрики ни в одном важном журнале за пределами стран — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) никогда не появлялось. Так или иначе, озабоченность СССР численной представленностью своей социологии дала многим советским обществоведам единственный шанс повидать мир за железным занавесом.

Дальше произошло неизбежное: молодые специалисты по буржуазным измышлениям, которые теперь имели право (и даже периодически должны были) публично называть себя социологами, послужили каналом поступления информации о достижениях их западных коллег к их советским коллегам. Иконический эпизод, который произошёл не позднее 1960 г., в пересказе одного из его участников [Ядов 1999: 12]:

[Мой] выбор в пользу социологии был сделан случайно. Я работал на философском факультете преподавателем, и как-то в коридоре Игорь Кон посоветовал посмотреть учебник Гуда и Хатта об эмпирических исследованиях и спросил: «Почему бы тебе не заняться изучением бюджетов свободного времени? Знаешь, из этого может получиться очень интересное знание».

Приток информации соприкоснулся со встречным движением — широким возобновлением обследований, которые наследовали традиции ещё дореволюционной статистики, благо многие ведущие её представители были в тот момент живы и активны (С. Г. Струмилин). Первые стихийные обследования, которые развёртываются в конце 1950-х годов, ещё, как правило, не титулуют себя социологическими. Слово отсутствует в публикациях, основанных на работе группы М. Т. Иовчука, М. Н. Руткевича и Л. Н. Когана в Свердловске, хотя по подходу они мало чем отличаются от тех, которые позднее создали репутацию Руткевича как ведущего исследователя социальной структуры. Уже в следующие несколько лет, однако, термин и подразумеваемая им общая идентичность распространятся повсеместно.

Прикладные (или «конкретные») исследования были второй нишей, в которой утвердились социологи. Такие исследования были направлены на решение проблем отдельного заказчика или какого-то типа заказчиков, и в этом смысле они полностью подпадают под описание «профессионального» полюса специальности. Советские управленцы вынуждены были считаться с тем, что планы развития предприятий, отраслей или населенных пунктов представляли собой уравнения со множеством неизвестных, таких, например, как спрос или миграция, а их исполнение постоянно сталкивалось с проблемами социального происхождения (текучесть кадров, преступность, нестабильность семей, недостаток трудовой мотивации, невозможность успешной пропагандистской обработки населения, неудовлетворённость бытовыми условиями и т. д.). Желание подойти к их решению рационально, как того требовал основной легитимационный миф советского государства, создавало нишу, которую должна была заполнить какая-то разновидность социальных исследований.

Освоение двух этих первичных ниш — критика буржуазной социологии и контрактная работа на нанимателя — повлекло за собой возникновение двух вторичных по отношению к ним. Развитие профессиональной социологии стимулировало появление группы специалистов, которые занимались на постоянной основе разработкой, оценкой и трансляцией образцов подобной работы, то есть методическими и техническими проблемами исследований. Кроме того, требовалась интеграция всех территорий, относящихся к юрисдикции социологов, и решения задач поддержания отношений с внешними областями, прежде всего с марксистской философией и официальной идеологией. Это вызывало к существованию ещё один вид вторичной занятости, что-то вроде брокерства, улаживающего возможные противоречия между обобщением результатов социологических исследований, официальным определением советской реальности, необходимостью перевода этих обобщений на сакральный язык марксизма-ленинизма и важностью самоопределения по отношению к буржуазной социологии. Эта классификация основных типов работ прослеживается в организации самых разных видов социологической активности. Далее мы встретим её в номенклатуре групп по интересам Советской социологической ассоциации (ССА) (параграф 3 этого текста). Здесь же мы увидим, как она служила для организации публикационного пространства.

Структура журнальных рубрик может быть подвергнута тому же типу изучения, которому в жанровом анализе академической коммуникации традиционно подвергается структура отдельной статьи

[Swales 1990; Swales 2004]. Организация текста даёт нам представление о том, что считается сравнительно самостоятельными типами научной работы, и о том, на каком основании эта классификация производится. Так, например, структура стандартной англо-американской академической статьи, написанию которой учат каждого магистранта, состоит из следующих элементов: обзор литературы и на его основе идентификация нерешённой проблемы, выбор методов, описание полученных с помощью этих методов результатов, их интерпретация, обсуждение возможных направлений генерализации и постановка новых вопросов. Основанием классификации является имплицитная типология познавательных задач, давно отвергнутая в качестве философии науки, но действенная в качестве средства организации текста [Gross 1990: 30–44]. Аналогично структура журнальных рубрик даёт нам представление о том, что считается естественным основанием для классификации видов научной работы.

Журнал «Социологические исследования», созданный в 1974 г., на протяжении 15 лет сохранял положение первого и единственного специализированного издания по социологии, в этом смысле он представляет собой очевидную точку применения подобного анализа⁹. На протяжении всего доперестроечного периода журнал состоял из нескольких повторяющихся в одном и том же порядке рубрик (время от времени некоторые рубрики исчезали, например, «Навстречу конгрессу», когда конгресс был далеко, но порядок наличествующих обычно сохранялся).

Передовица, часто анонимная: давала самые общие установки читателям журнала, транслируя им указания партии и правительства. Статьи в ней могли называться «Актуальные задачи развития методологии и методики социологических исследований» (1975, № 3) или «XXV съезд КПСС и задачи дальнейшего развития социологических исследований» (1977, № 2). Сюда же попадали иногда отчётные доклады ССА за авторством президента (например, М. Н. Руткевича; см.: 1977, № 3) или особенно идеологически важные тексты (например, статья за авторством М. Т. Иовчука и Г. В. Осипова о роли теоретического наследия В. И. Ленина в развитии марксистско-ленинской социологии в номере, посвящённом 110-летию вождя; см.: 1980, № 2). Ближе к концу советского периода на месте передовицы стали появляться приуроченные к какой-то значимой дате блоки статей с названиями вроде «Советская социология — XXVI съезду КПСС: рабочий класс в условиях развитого социализма» (1980, № 4), которые в иное время могли бы появиться во втором, теоретическом блоке.

Теоретические проблемы социологии (иногда также «Теоретические проблемы социологов» или «Теоретико-методологические проблемы», иногда — с обозначением более конкретной тематики, например, «Теоретико-методологические проблемы исследования социальной структуры развитого социалистического общества»; см.: 1977, № 2): одна из постоянных рубрик, которую содержал почти каждый номер. Как правило, статьи в ней были попыткой генерализации результатов эмпирических исследований на всё общество в целом и их обсуждения в свете марксистско-ленинской философии и текущих установок партии и правительства. Типичные статьи назывались так: «Сближение наций в условиях развитого социализма» (М. С. Джунусов, 1976, № 4); «Преодоление существенных различий между городом и деревней как составная часть задачи построения социально однородного общества» (С. И. Староверов, 1975, № 4) или «Социальное планирование в условиях развитого социализма» (М. Н. Руткевич, 1975, № 3). В 1980 г., с № 4, рубрика часто дополняется, а временами и замещается другой — «Проблемы социологической науки», которая ближе к тому, что мы сегодня ожидаем встретить в теоретико-методологическом разделе. Статьи в ней имеют существенно более современные названия: «Социология медицины: объект, предмет, перспективы развития» (В. П. Петленко, А. В. Сахно, 1982, № 3). Иногда обобщающие статьи, обращённые к менее просвещённому читателю, выделяются в отдельную рубрику «В помощь изучающему марксистско-ленинскую социологию» (или «Партийная и комсомольская учёба»), идущую сразу за теоретико-методологической.

⁹ Один из рецензентов указал на то, что СоцИс репрезентирует позднейшую стадию эволюции советской социологии, которая может быть не вполне показательна для более раннего периода. К несчастью, не совсем ясно, что могло бы быть аналогичным материалом для предшествующей фазы. Тем не менее читатель предупреждён.

Навстречу N Всемирному социологическому конгрессу (встречается также рубрика, посвящённая подготовке к Конгрессу социологов деревни (1976, № 3), к Всемирному политологическому конгрессу (1979, № 3), а также итогам одного из конгрессов (1979, № 1)): в этом разделе публикуются как статьи, которые могли бы появиться в предыдущем разделе, так и образцовые эмпирические исследования, относящиеся, скорее, к следующей рубрике. Большая часть статей представляют собой утверждённые всеми необходимыми инстанциями доклады на соответствующем конгрессе.

Прикладные исследования: отчёты об эмпирических исследованиях. Рубрика часто сопровождается или даже замещается тематическими блоками, посвящёнными какой-то конкретной социальной проблеме или задаче в деле управления народным хозяйством. В качестве типичного можно взять блок статей «Междисциплинарные исследования семьи» (1982, № 2), состоящий из следующих текстов: «Воспроизводство населения и семья» (В. И. Переведенцев), «Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи» (Т. А. Гурко; для тех, кому это интересно, влияние оказывается сугубо отрицательным), «Опыт исследования воспитательного потенциала семьи» (И. В. Гребенников), «Разводы: динамика, мотивы, последствия» (В. А. Сысенко), «Неблагополучная семья и противоправное поведение подростков» (Г. М. Миньковский), «Социологическая интерпретация сексуального поведения» (И. С. Кон). Среди проблем, наиболее часто выделяемых в самостоятельную рубрику, соседствующую с «Прикладными исследованиями», чаще всего оказывалось «Социальное планирование».

Социологическая наука и практика: в отличие от предыдущей эта рубрика и несколько сопровождавших или замещавших её («Социологическая служба», «Социологическая наука — практике идеологической работы», «В помощь заводским социологам», «Социологическое образование», «Опыт и проблемы организации науки») не столько описывала конкретные исследования, сколько давала советы о том, как развернуть социологическую деятельность на определённом типе предприятий. Так, например, статьи, посвящённые практике идеологической работы, в основном адресовались партийным и комсомольским работникам, которые желали бы поставить пропаганду на научную основу, и т. д.

Факты, комментарии, заметки (с рабочего стола социолога): рубрика, наполняемая, скорее, по формату, чем по тематике, короткими сообщениями, совпадающими с содержанием двух предыдущих рубрик, но, с точки зрения автора или редакции, не стоящими того, чтобы развёртывать их в отдельную статью.

Из истории социологической мысли (или «Из истории социологической науки»): первая из рубрик следующего, критически-обзорного, блока. В основном посвящена тому, что советские социологи рассматривали как второстепенные элементы традиции, к которой они объявляли себя принадлежащими, — Чернышевскому, социалистам-статистикам, а также, до некоторой степени, буржуазным дореволюционным социологам (статьи о вкладе в социологию Ленина или Марса, разумеется, занимали более почётное место в теоретико-методологическом блоке). В виде исключения здесь же появилась статья В. В. Пациорковского о Флориане Знанецком (1979, № 1).

Социологическая мысль за рубежом (также иногда «Марксистско-ленинская социология за рубежом»; см., например: 1975, № 3): раздел, в основном наполняемый образцовыми статьями социологов из соцлагеря и в этом смысле симметричный блокам, посвящённым международным конгрессам. Однажды здесь же были опубликованы обзор работ прогрессивного Льюиса Козера (1975, № 2) и три статьи финских социологов (1981, № 4).

Критика современных буржуазных социологов: как следует из названия, рубрика разоблачала все направления западной теоретической мысли, кроме тех немногих, которые по какой-либо причине были зачислены в прогрессивные. Иногда дополнялась соседствующей с ней рубрикой «Социальные про-

блемы современного буржуазного общества», которая была посвящена разбору эмпирических работ. Преимущественно выбор авторов и редакции останавливался на работах, свидетельствовавших о загнивании капитализма (проблемы безработицы, «разрыв поколений», алкоголизм и самоубийства), хотя в некоторых случаях, кажется, основным фактором выбора была образцовость решения методических проблем.

*Методика и техника социологических исследований*¹⁰: наиболее идеологически нейтральный раздел, который иногда даже включал обзоры западной литературы, определяя её как «зарубежную», а не «буржуазную» (С. А. Петровский «О зарубежном опыте применения факторного анализа к исследованию международных отношений», 1974, № 2). Многие тексты имели прямую связь с занимавшими советских социологов практическими проблемами (Ю. Л. Неймер «Сплочённость как характеристика первичного коллектива и её социологическое измерение», 1975, № 2), но другие стояли далеко от этого.

Научная публицистика: второстепенная рубрика (четыре статьи за девять первых лет существования журнала); в нее помещались тексты на все темы, которые, с точки зрения редакции, были слишком легковесными по манере написания.

Размышления над новой книгой (или материалами научной конференции), анонсы, рецензии, сообщения о семинарах и конференциях и т. д.

Эта структура демонстрирует однозначное соответствие рубрик основным формам работы, которые обсуждались выше. Первые страницы в журнале (они, безусловно, распознавались как наиболее важные и почётные) занимали тексты, обозначающие точки соприкосновения социологии с марксистско-ленинской философией и с тем, что в данный момент являлось официальным определением ситуации в советском обществе. Передовицы транслировали социологам ожидания партии, статьи в теоретико-методологическом разделе демонстрировали, что социология участвует в решении поставленных перед ней задач и в целом стоит на верных позициях, производя результаты, которые в эти ожидания укладываются. «Прикладные исследования» содержали образцы в основном сугубо профессиональной работы (абсолютным лидером по популярности были анализ текучести кадров и выработка рекомендаций по её снижению), а параграфы, посвящённые практике, давали советы по развёртыванию этих исследований в условиях конкретного предприятия. Обзорная часть, примерно три четверти которой были посвящены критике буржуазных теоретиков, происходила из совсем другой, сугубо академической, части дисциплины. Также к академической, но более тесно связанной с прикладным полюсом, зоне принадлежали статьи, посвящённые методам.

Сравнение со структурой западной профессиональной периодики тут, видимо, неизбежно. Впервые, насколько мне известно, оно было предпринято Лией Гринфелд, сделавшей вывод, что советская социология — представитель иного вида, чем, например, американская [Greenfeld 1988]. Действительно, два отличия бросаются в глаза. Первым является почётная роль, которую на страницах ведущего советского журнала играют сугубо прикладные исследования и проблемы занятых на предприятиях профессионалов (в общей сложности им отведено не менее половины публикационного пространства). Вторым — то, что в этом списке отсутствует тот жанр, который доминирует в «American Journal of Sociology» или «American Sociological Review» то есть эмпирические исследования, направленные на верификацию или фальсификацию теоретических моделей. Обычным объяснением данного обстоятельства является то, что миграции социологов на эту территорию сдерживались марксистскими фило-

¹⁰ Единственная рубрика, которая не имела стабильной позиции в порядке следования; в одном случае она идёт первой (1978, № 1; в этом номере нет теоретико-методологического блока), в другом случае — сразу за «Теоретико-методологическими исследованиями» (1975, № 3), иногда — после эмпирического блока, но до рубрики «Из истории социологической мысли», чаще всего — после всех них.

софами; согласно данной версии, борьба против истматовских догматиков за право теоретизировать была одной из основных сюжетных линий в истории дисциплины в СССР.

Изучение хода реальных пограничных конфликтов, однако, не укладывается в эту картину. При внимательном изучении истории политических чисток складывается впечатление, что истматовцы, или научные коммунисты, играли в этих процессах сравнительно незначительную роль (см. материалы чисток в Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ) в 1972 г. [Батыгин 1999] и Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) в 1982–1984 годах [Алексеев 2003; Алексеев 2005; Божков, Протасенко 2005; Фирсов, в печати]). Критика, указывающая на несоответствие аксиоматических оснований исследований марксистско-ленинскому учению, практически исчезает после ленинградских дискуссий В. А. Ядова — В. Я. Ельмеева (1967–1968 годы). Единственный переживший 1970-е годы пункт, повторявшийся, например, в материалах «дела Голофаства» ещё в 1983–1984 годах, — «злонамеренное нивелирование различий между социалистическим и капиталистическим обществами» путём их сравнения. В вину В. Б. Голофасту ставился подрыв «мягкой власти» в СССР, а не методологическая ошибка, вроде непонимания природы диалектики. Опасность исходила от него не как от теоретика, а как от эмпирика.

Парадоксальным образом периодические конфликты социологов с официальной реальностью развитого социализма были заложены в самой природе их профессиональной роли как практических специалистов по социальным проблемам. От любого эксперта можно ожидать, что он (или она) будет стремиться привлечь внимание к опасностям, исходящим из области его (или её) юрисдикции, и неэффективности предлагавшихся ранее средств их предотвращения. Более циничное объяснение этой тенденции состоит в том, что именно так профессиональная группа может увеличить объём контролируемых ею ресурсов. Карьера группы специалистов по проблеме — это часть публичной карьеры самой проблемы. В советском случае политическое признание чего-то как актуальной задачи почти автоматически вело к созданию ставок и выделению финансирования. Публичный и административный успех любой группы зависел от её способности «продавить» проблему, на которой эта группа специализировалась, но каждый новый такой успех неизбежно вёл к дополнительным сомнениям в эффективности всего советского строя и состоятельности его руководящей и направляющей силы. С другой, менее утилитарной, стороны, вынужденная сосредоточенность на неблагоприятных сторонах реальности какого угодно общественного устройства неизбежно предрасполагает к развитию весьма скептического отношения ко всему устройству в целом. Ограничивая социологов конкретными исследованиями социальных проблем, советская власть невольно воспитывала своих профессиональных критиков. С третьей стороны, проблемно-ориентированная дисциплина должна была рекрутировать в первую очередь тех, кто и без того был озабочен необходимостью реформ.

Так или иначе, связь с областью нерешённых проблем делала социологию областью высокого риска, где практически каждый шаг был чреват политическими обвинениями. Одновременно, поскольку тревога по поводу того, что скрывает официальное определение реальности развитого социализма, также была универсальной, любое обещание пролить сколько-то света на тёмные стороны существующего порядка, являлось было сообщением высокой важности. Нет никаких оснований считать, что советские социологи в своём большинстве были внутренне недовольны доставшейся им ролью людей, говорящих мрачную правду и предлагающих смелые решения для накопившихся проблем. Мы находим среди них примеры групп политических абсентеистов, стремившихся сконцентрироваться на предельно нейтральных сюжетах, например, на развитии методики и техники, в которых даже номинальное разделение на «буржуазные» и «социалистические» тихо отмерло ещё в ранних 1970-х (Ф. М. Бородин, Г. С. Батыгин), но эти абсентеисты составляли незначительное меньшинство. Большинство было поглощено задачами помощи государству в рациональной реконструкции социалистического общества

или, по мере того как разочарование в способности государства принять эту помощь возрастало, — в попытках спасти общество от его нерациональных действий. Возможно, больше остальных достижений они ценили свою востребованность¹¹.

2. Политический кредит и партийный патронат

Эбботт пишет о том, что легальное закрепление проблемной области за специализацией возможно, лишь если к агентам из профессиональной и академической экологий прибавляются представители третьей, политической, экологии [Abbott 2001]. Необходимо совпадение интересов профессии или дисциплины с интересами какой-то политической группы, чтобы соответствующий закон появился и кто-то озаботился его приведением в действие. Вряд ли для какого-то общества это более верно, чем для советского. История советской социологии, особенно на её раннем этапе, — это в значительной степени история нескольких групп, в центре каждой из которых стояли высокопоставленные патроны, обеспечивавшие политическое прикрытие возникающей дисциплины.

Понятие «кредит» обязано своей популярностью в социологии науки книге Брюно Латура и Стива Вулгара [Latour, Woolgar 1979]. Применительно к советской науке и, шире, к советскому обществу, оно приобретает ещё один смысл. Помимо латуровско-вулгаровского генерализованного доверия к качеству научных результатов, которые способен произвести индивид, академический мир в СССР управлялся соображениями политического доверия к «идейному облику» этого индивида. Решение начать политически рискованное предприятие не приходило в результате философских дискуссий (да, вероятно, и не могло прийти таким образом), а зависело от личного выбора нескольких ключевых фигур, идейность которых не подлежала никакому сомнению. Те, кто накопил значительный объём политической благо-

¹¹ Тут можно найти интересный повод для рассуждений о том, почему советская социология не оставила после себя «большой» теории. Наиболее частный ответ — монополия на эту область со стороны исторического материализма — не слишком убедителен в свете того, что поздняя советская эпоха оставила нам внушительное число интеллектуальных рамок, которые теперь широко используются для интерпретации социального мира, в том числе в академических контекстах (от Тартуской школы до методологии Г. П. Щедровицкого, бывшего однокурсником Б. А. Грушина и Ю. А. Левады, а также членом ССА, теории Б. Ф. Поршнева, соционики и концепции этногенеза Л. Н. Гумилёва). Индивиды и группы, пытавшиеся разрабатывать в позднем СССР свою «большую» теорию культуры, личности и общества, периодически сталкивались со значительными политическими затруднениями, но эти затруднения не прерывали их деятельности вовсе. Судя по всему, советские социологи никогда не двигались в этом направлении, довольствуясь заимствованиями из кибернетики и социальной психологии. В этом отношении ревизионистская версия истории советской социологии Н. А. Митрохина (2009), видимо, неверна — советское социологическое движение никогда всерьёз не пыталось предложить систематическую альтернативу официальному языку описания реальности. Ответ на вопрос о причинах полного отсутствия этих попыток выводит нас за рамки данной статьи. Очень коротко, и безжалостно огрубляя, моя версия состоит в том, что социологическое движение в целом интериоризировало образ общества как рационального проекта — подобие архитектурного чертежа. Чертеж может содержать ошибки (например, не учесть свойства строительных материалов), и тогда он требует исправления. Советские социологи смотрели на общество с позиций архитекторов, которые ищут практические просчёты в работе предшественников, а не историков архитектуры, пытающихся понять, как такой проект вообще мог кому-то прийти в голову. То, что некоторые из них эмоционально идентифицировали себя скорее со строительным материалом, а не с другими проектировщиками, ничего не меняло в их работе. Они не строили моделей общества, потому что строили само общество. Это объясняет и популярность советской социологии (собралось ли хоть раз слушать Толкотта Парсонса столько людей, сколько собиралось слушать Игоря Кона?), и её интеллектуальную недолговечность. Социология в СССР была институциональным самообследованием советского общества, а работы в этом жанре редко переживают организации, в недрах которых они проводились. Советская социология оставила нам в наследство десятки персонажей, которыми можно восхищаться, но ни одной книги, которую было бы необходимо прочитать каждому третьекурснику в мире. (Многие из этих соображений возникли в многочасовых беседах с Дарьей Димке и, подозреваю, принадлежат ей в большей степени, чем мне.)

дати, могли позволить освятить своим словом спорное решение¹². Именно это и произошло в случае с социологией.

Работы Бориса Доктора (см., например: [Докторов, Ядов 2008]) о поколениях советских социологов ясно очерчивают первую генерацию 1927–1930 годов рождения, сохранявших лидерство на протяжении всего советского и отчасти постсоветского периодов (Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, В. А. Ядов). Ей предшествует, однако, более ранняя, нулевая, генерация крупных советских философов и научных администраторов, предоставивших членам первого поколения то, что пятью десятилетиями позже назвали бы «крышей». Сталинская и ранняя постсталинская эпохи — периоды дисциплинарного каннибализма среди философов, когда одной из основных форм работы и едва ли не главным источником продвижения было содействие уничтожению коллег. Каждый имел шанс быть съеденным и должен был считаться с этим. Персональная защита со стороны особенно сильного и опасного хищника являлась единственной гарантией, обеспечивающей спасение от подобной участи.

Начальные фазы академической траектории советских социологов первого поколения были очень однородны и проходили через одно из трёх учебных заведений — МГУ (философский и экономический факультеты), ЛГУ (философия) и МГИМО¹³. В МГУ, на философском факультете, на одном курсе учились Грушин и Левада, немного раньше или позже — Лапин и Наумова. На экономическом — Шубкин и Заславская. На философском факультете ЛГУ — Ядов и Здравомыслов, а несколько позднее — Рывкина и Фирсов (в аспирантуре). Колбановский учился и там, и там. В МГИМО оказались Араб-Оглы, Бестужев-Лада, Замошкин, Осипов и Семёнов. В стороне, но все равно где-то рядом, были Гордон и Шкаратан (исторические факультеты МГУ и ЛГУ соответственно) и Кон (исторический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, однако на работу он поступил на философский факультет в ЛГУ). Сильно отклоняются от остальных только биографии будущей уральской группы: Руткевич закончил физический факультет в Киеве, Коган — философский в Свердловском университете.

В центре каждой из этих складывавшихся в 1950-х годах сетей обнаруживается фигура её политического покровителя. Патроном сети МГИМО был Ю. П. Францев, ректор Академии общественных наук

¹² Некоторый минимальный уровень политического кредита считался необходимым ингредиентом общенаучного кредита как такового. Его требуемый объём явно сократился к концу советской эпохи, но тем не менее «идейно-политическая зрелость» фигурировала как одна из ключевых аттестационных характеристик научных сотрудников (наравне с количеством публикаций). Только в исключительных случаях пост мог быть доверен заведомо незрелому индивиду типа Л. Д. Ландау. Антропология идеологического кредита в СССР представляет собой захватывающую тему, к несчастью, выходящую за пределы данной статьи. Отмечу лишь, что потеря благодати не расценивалась как факт бесповоротный и окончательный и допускала возможность осознания своих ошибок. Допустивший «прокол» сотрудник мог реабилитировать себя, некоторое время воздерживаясь от участия в любых сомнительных историях и опубликовав нечто, восстанавливающее доверие к его идейности. Поддержание объёма политического кредита было частью моральной экономики советской науки.

¹³ Просопографически они вообще представляли собой на редкость однородную группу. Их родители принадлежат к советской нетехнической интеллигенции — философы или психологи (у Т. И. Заславской, В. В. Колбановского, Ю. А. Левады, М. Н. Руткевича, В. А. Ядова), учителя литературы (у В. Н. Шубкина и А. Г. Здравомыслова), чиновники и партийные работники (у Э. А. Араб-Оглы, В. С. Семёнова, Н. Ф. Наумовой), врачи (у Л. Н. Коган, отец В. Э. Шляпентоха), музыканты или преподаватели музыки (у Р. В. Рывкиной, мать В. Э. Шляпентоха). Некоторым исключением являются только Н. И. Лапин и О. И. Шкаратан (оба дети строителей), Л. А. Гордон (отец — инженер, мать — биолог) и Г. В. Осипов (отец — рабочий-сцепщик, ставший, однако, Героем Соцтруда и впоследствии также преподавателем). Не менее 80% родителей индивидов, попавших в эту выборку, должны были бы иметь высшее образование — впечатляющая гомогенность для страны, в которой на 147 млн человек (по данным на 1926 г.) приходилось всего 521 тыс. специалистов, из них 233 тыс. имели высшее образование (данные 1929 г.).

при ЦК КПСС в 1959–1968 годах; патроном свердловской группы — М. Т. Иовчук, наследовавший Академию общественных наук (АОН) при ЦК КПСС в 1970 г., новосибирской — создатели Академгородка А. Г. Аганбегян и Г. А. Пруденский (единственные нефилософы в этом списке); покровительством директора Института философии (ИФ) АН в 1955–1962 годах и вице-президента АН в последующие 25 лет П. Н. Федосеева и ректора АОН в 1952–1955 годах, а также директора Института философии АН в 1962–1967 годах Ф. В. Константинова пользовались некоторое время Осипов и Семёнов. Наконец, все московские и ленинградские социологи в той или иной мере находились под защитой первого директора Института конкретных социологических исследований и вице-президента АН А. М. Румянцева. Эти патроны стояли в советской иерархии существенно выше, чем самые успешные из последующих поколений социологов. Все без исключения, они были академиками (первый полный академик из числа социологов, Т. И. Заславская, была избрана только в 1981 г.), большинство — кандидатами в члены или членами ЦК, некоторые занимали важные посты в правительстве (Г. Ф. Александров — министр культуры в 1954–1955 годах). Они передавали из рук в руки командные высоты советской философии — ИФ АН, АОН, редакции журналов «Вопросы философии» и «Коммунист»¹⁴.

Были ли поддерживавшие социологов философские боссы скрытыми реформаторами? На этот счёт отчёты близко знавших их людей удивительно мало согласуются друг с другом. В интервью лично знавших их социологов старшего поколения почти каждый из названных выше (Иовчук, Константинов, Францев, Федосеев) предстает человеком с двумя лицами. Одно из этих лиц обращено к небольшой группе близких друзей и учеников и являет разочарованного идеалиста, скептически настроенного по поводу советского официоза и осторожно одобряющего идею реформ; второе — ко всем остальным и показывает беспринципного карьериста, использующего социологию как кампанию, на волне которой можно достичь личного продвижения. Коган, пользовавшийся покровительством Иовчука, расценивает его как одного из создателей эмпирической социологии [Батыгин 1999: 280–284], хотя в памяти москвичей, причастных к Институту философии, он остался обскурантом; Аганбегян для Заславской — безусловный герой, а для Шляпентоха — провинциальный академический деспот [Шляпентох 2006]; правда, оба сходятся в невысокой оценке Пруденского, который неожиданно оказывается героем для Рывкиной [Батыгин 1999: 270–271]; Федосеев для Семёнова — добродушный человек, который «никогда не был инициатором гонения» [Батыгин 1999: 437–438], а для Осипова и многих других — подлинный организатор «разгрома» Института социологических исследований (ИСИ) в 1972–1974 годах; для всей группы МГИМО Францев — заботливый защитник, для прочих — непредсказуемый интриган, и т. д.

Интерес философских боссов к социологии может быть объяснён сугубо карьерными мотивами. Анализ институционализации советской социологии Эдуарда Беляева и Павла Буторина, один из первых и по-прежнему лучших, описывает её полезность для развития партийной карьеры [Beliaev, Butorin 1982]. Шансы партийного чиновника на восходящую карьеру были связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, он мог быть лояльным клиентом сильного и идущего в рост патрона, который увлекал его за собой. Во-вторых, он мог на вверенном ему участке проявить исключительные качества, которые были бы замечены «наверху». Инициация различных кампаний, предположительно позволяющих эффективнее реализовывать планы партии и правительства, была самым простым путём оказаться замеченным. Любая кампания несла в себе определённый риск и в случае неудачи дискредитировала инициатора, но количество попыток свидетельствует о том, что многие считали игру стоящей свеч. Социология, отмечают Беляев и Буторин, часто оказывалась одной из таких попыток. Секретарь Ленинградского обкома

¹⁴ В необычном положении на этом фоне находилась группа с философского факультета ЛГУ. На ранних фазах её развития ей покровительствовали ректор ЛГУ А. Д. Александров и декан философского факультета В. П. Рожин. Не менее, если не более, существенно и то, что ведущие члены группы начинали свою карьеру как комсомольские и партийные функционеры: Ядов и Здравомыслов были комсомольскими активистами, Фирсов возглавлял Дзержинский райком партии в Ленинграде. До начала 1980-х годов между ленинградской школой и локальной партийной организацией сохранялись более прочные связи, чем существовали в большинстве других городов. О партийной работе упоминают Руткевич и Колбановский, но, кажется, ни для какой другой локальной группы она не была правилом.

Г. В. Романов поддерживал развитие социального планирования, поскольку первые эксперименты с таковым происходили на вверенной его заботе территории. Пропагандируя распространение опыта «города трёх революций» на всю страну, партийный босс одновременно увеличивал свой собственный политический капитал: как учит нас Габриэль Тард, акт подражания перевозносит его объект над субъектом¹⁵. Поразительно, что очень внимательные к роли партии в институционализации социологии Беляев и Буторин рассматривают партийных философов только как её гонителей, хотя логика поведения М. Т. Иовчука или Г. Ф. Александрова, пытавшихся реабилитировать социологию, чтобы вместе с ней вернуться из ссылки на московскую арену, мало чем отличается от логики поведения Романова.

Были ли персонажи типа Александрова и Францева движимы при этом исключительно карьерными мотивами или их увлечение социологией не сводилось к стратегии самопродвижения, мы не знаем и можем никогда не узнать. Вряд ли советские философы являлись менее советскими людьми, чем все остальные. Идея рациональной реконструкции общества не могла их не привлекать. Так или иначе, поддержка социологии как рискованной, но способной оставить после себя заметный след политической кампании вполне вписывается в тот жизненный стиль, который прослеживается в их биографиях. Карьеры большинства из них состояли из взлётов и падений, а сами они были весьма колоритными личностями: Александров в детстве беспризорничал, а снят с поста министра культуры и сослан руководить кафедрой в Минске был после того, как в ходе внутривнутрипартийного разбирательства выяснилось, что на академической квартире он устраивал сексуальные оргии с участием своих заместителей и женщин лёгкого поведения (замешанный в той же истории Иовчук оказался в Свердловске [Ойзерман 2004]). Иногда кажется, что несколькими столетиями раньше Александров и люди его круга наверняка стали бы пиратами. Подобная мысль не приходит в голову, когда читаешь биографии последующих поколений советских обществоведов.

Союзники, принадлежавшие к политической экологии, сыграли свою роль в развитии социологического движения, выполняя следующие функции:

- гарантировали статус социологических исследований как легального товара, который мог беспрепятственно приобретаться предприятиями, учреждениями или добровольными объединениями (например, Всесоюзным театральным обществом, заказывавшим исследования аудитории; см. раздел 4);
- продвигали услуги социологов на рынке, причём использовали при этом все комбинации кнута и пряника — от инициации циклов институциональной моды до принуждённого сбыта. После того как Ленинградский обком обзавёлся информационной системой, позволявшей сортировать на основании контент-анализа и отслеживать прохождение обращений граждан по инстанциям, многие другие пожелали последовать его примеру, хотя бы просто для того, чтобы избежать неблагоприятных сравнений в ходе партийного бенчмаркинга. После того как тот же обком в альянсе с различными академическими и неакадемическими сторонниками добился включения в Конституцию 1977 г. параграфа, делавшего составление планов социального развития обязательным, тип изоморфизм в этой области сместился от миметического к вынужденному [DiMaggio, Powell 1983];
- способствовали установлению контактов между потенциальным заказчиком и исполнителем исследований, иногда, видимо, настойчиво подталкивая первых к поиску помощи вторых. Партийный руководитель не отвечал ни за что конкретно, и за всё сразу на вверенной ему

¹⁵ Потенциальная проблема заключалась в том, что не только кампания определяла карьеру инициатора, но и карьера инициатора — судьбу кампании. Я не могу дать определённый ответ на вопрос, не был ли погром социологии начала 1970-х годов побочным следствием падения Румянцева, а не наоборот.

территории, и реализация на ней новых вариаций на главные темы советской цивилизации увеличивала его политический кредит. В своих воспоминаниях пионеры советской социологии расходятся по вопросу о том, в какой степени заказчик сам обычно был рад необходимости сотрудничать с социологами (см., например, очень скептическое высказывание Заславской, приведенное в кн.: [Костюшев1998: 95]);

- наконец, сами были заказчиками значительной части исследований. Наиболее известный пример — таганрогский проект Грушина, но отдел идеологии ЦК в период, когда его возглавлял А. Н. Яковлев, поддержал и большое количество других проектов, причём поддержка эта была двойной, поскольку присутствие высшего партийного чиновника за спинами исследователей одновременно обеспечивало лицензию на разработку скользких тем и финансирование (см. раздел 4).

3. Пространство субспециализаций: советская социология в 1970 г.

Выше были описаны основные типы работы, которые выполняли советские социологи: критика буржуазных учений, прикладные исследования, аккумуляция и трансляция профессионального опыта, перевод всего этого на сакральный язык и интеграция с официальным определением ситуации в СССР и за его пределами. Занимались ли этими видами работы одни и те же люди или существовало разделение труда и советские социологи специализировались на одной из ниш, являясь профессиональными критиками, профессиональными прикладниками, профессиональными методологами и т. д.? Какие подразделения существовали внутри отдельных ниш? И, наконец, каким образом представители каждой из ниш были локализованы в социальном и географическом пространствах?

Существуют два источника, с помощью которых мы можем попробовать ответить на эти вопросы. Первый из них — это списки авторов в СоцИсе, второй — директории Советской социологической ассоциации. Недостатком выборки авторов журнала является, во-первых, небольшой объём (около 400 человек за первые 10 лет существования журнала), во-вторых, очевидный сдвиг в сторону отдельных академических групп. Достоинством — больший, чем в других источниках, объём информации о каждом отдельном авторе (пол, город, степень, позиция, институция). Директория ассоциации, вероятно, даёт более представительную, но менее информативную картину (отсутствует информация о позиции

и аффилиации)¹⁶. Поскольку задачей этой статьи было представить ландшафт советской социологии с высоты птичьего полёта, следующий параграф в основном анализирует данные директории ССА.

Издание, рассматриваемое далее [Осипов 1970], включает как коллективных (231 чел.), так и индивидуальных (1426 чел.)¹⁷ членов, которые, по всей видимости, получили предложение обозначить свои области интересов. Процедура не прописана нигде в справочнике, но похоже, что членам ССА предлагали меню из 40 разных субдисциплинарных наименований. Судя по всему, опрашиваемые могли свободно указывать несколько интересующих их тематических направлений, но подавляющее большинство из них (94%) ограничилось всего одним, и только один человек назвал три. Само по себе это кажется частью ответа на наши вопросы. Судя по отсутствию частых пересечений большинство советских социологов вполне уютно чувствовали себя в своей тематической нише и не считали нужным обозначить интерес к соседней проблеме. Их профессиональное любопытство, как правило, было организовано по предметному признаку. Нет никакой корреляции между количеством названных областей интересов и статусными атрибутами — наличием докторской степени или звания академика.

Некоторые, но далеко не все из этих направлений соответствовали действующим секциям¹⁸. В таблице 1 перечислены в порядке убывания популярности тематические области, интерес к которым (в качестве первого выбора) выразили 15 человек и более. Таких оказалось 30, включая рудиментарную категорию «другие социологические проблемы», которая, однако, при статистическом анализе повела себя чрезвычайно интересным образом. Десять малых областей интересов — «История социологии» (№ 3 в списке интересов), «Критика буржуазной социологии» (№ 4), «Проблемы семьи и брака» (№ 14), «Социологические проблемы познания» (№ 24), «Социология в странах социалистического содружества» (№ 30), «Социология политики» (№ 31), «Социология межнациональных отношений» (№ 32), «Прогнозирование» (№ 34), «Социология развивающихся стран» (№ 35), «Социолингвисти-

¹⁶ Данные о членстве в ССА ранее использовала, например, Элизабет Вайнберг [Weinberg 2004 (1974)]. Основной дефект директории индивидуальных членов как материала для создания статистического портрета советской социологии может быть связан с неравномерной представленностью разных территориальных групп в её рядах. Моим исходным предположением было то, что в ССА, как и во многих других научных ассоциациях, можно с большой долей вероятности встретить изолированных индивидов, для которых членство в объединении является более важным символом их идентичности и каналом получения информации, чем для тех, кто и без того принадлежит к признанной институции и погружён в насыщенную профессиональную среду. Тем не менее складывается впечатление, что для ССА верным было обратное. Пять городов, в которых базировались головное и региональные отделения (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев, Свердловск) дают нам 57,8% её личного состава (Москва — 372 чел. (26,1%); Ленинград — 130 чел. (9,1%); Киев — 110 чел. (7,7%); Новосибирск — 108 чел. (7,6%); Свердловск — 103 чел. (7,2%)). Далее с большим отрывом следует Пермь (территориально близкая к Свердловску), в которой насчитывается лишь 52 социолога (3,6% членов), ни один другой город не даёт более 2,5%. Разрыв слишком велик, чтобы объясняться только тем, что отделения создавались в столицах социологического движения. Более вероятно следующее: (а) рекрутирование происходило по личным сетям; (б) территориальная близость к центрам активности ассоциации увеличивала выгоды от пребывания в ней (посещение мероприятий, публикации в сборниках и т. д.). Последняя позиция подтверждается материалами интервью. По словам свердловского социолога, региональные отделения рассматривали деятельность ССА в целом как колониалистскую: исправно взимая членские взносы, ССА давала что-то взамен только москвичам. Из интервью Когана: «Ассоциация требовала от нас одного — регулярно отчисления процента членских взносов на содержание своего аппарата» и «издания сборников, в которых печатались только москвичи» [Батыгин, 1999: 291–292]. Можно предположить, что жители ещё более периферийных центров рассматривали аналогичным образом и сам Свердловск.

¹⁷ В предисловии (с. 5) упоминается о 1397 членах, однако ввод в базу данных индивидуальной информации дал 1426 строк. Вероятно, имела место какая-то ошибка при составлении справочника.

¹⁸ Секций было 27. Одни из них тематически уже областей интересов (например, секция по количественным методам или секция по социальным проблемам театра, члены которых, вероятно, указывали методику и технику социологических исследований и социологические проблемы искусства и культуры как области своих интересов), другие, наоборот, шире (секция по СМИ и эффективности идеологической работы охватывает группы, чьими областями интересов являются эффективность средств идеологического воздействия и социологические проблемы СМИ).

ка» (№ 35) — были объединены в одну категорию, поднявшуюся на вторую строчку¹⁹. Как мы увидим далее, несмотря на собирательность, эта категория также ведёт себя весьма специфично. В колонках таблицы 1 содержатся данные о количестве и доле обладателей степеней; о количестве и доле специалистов в данной области, работающих в Москве; о количестве и доле специалистов, работающих в пяти основных городах (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев и Свердловск); данные о количестве и доле мужчин.

Таблица 1

Демографические и статусные характеристики членов секций ССА в 1970 г.

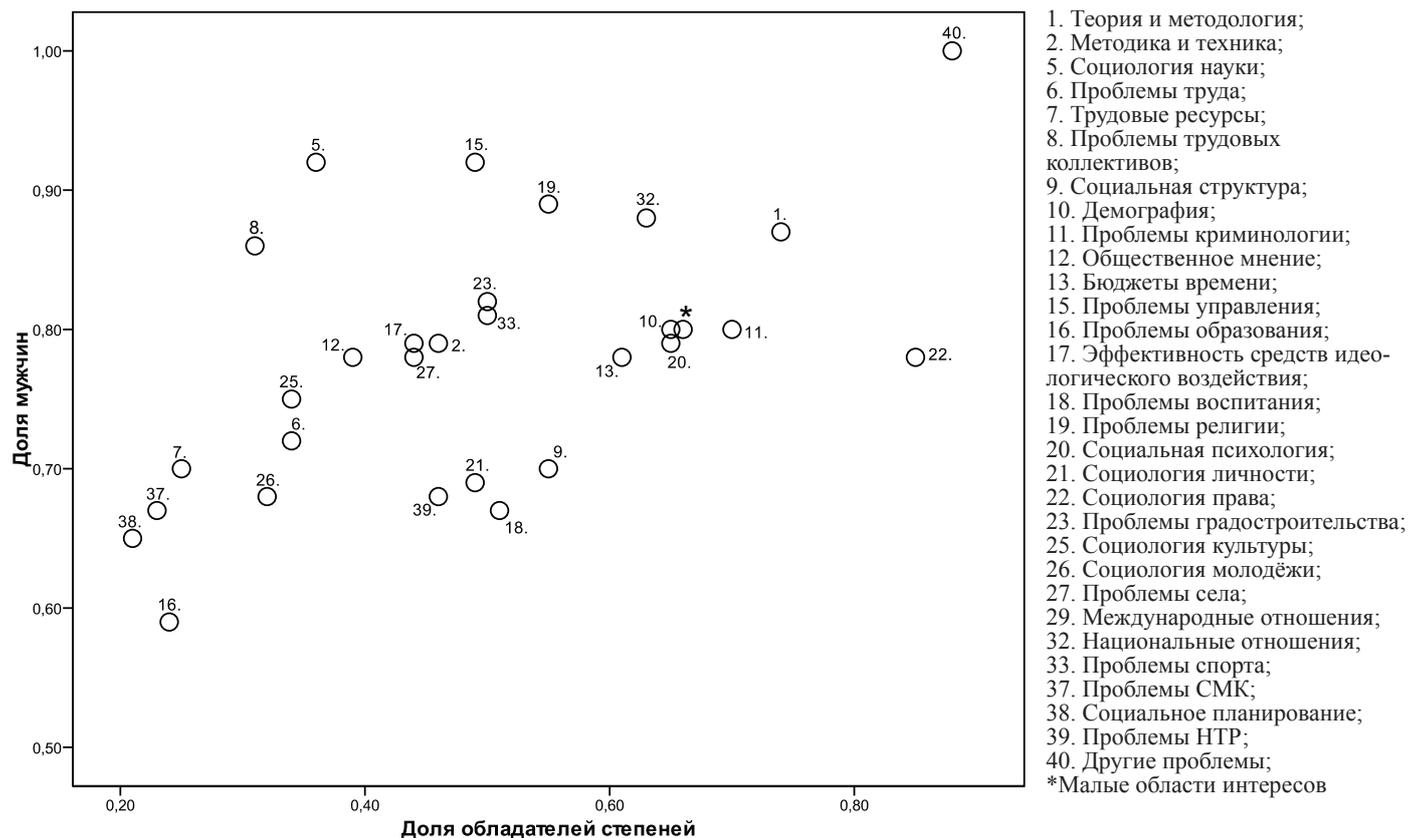
Название секции	Кол-во членов (чел.)	Кол-во обладателей степеней (чел.)	Доля обладателей степеней	Число в Москве (чел.)	Доля в Москве	Число в пяти осн. городах (чел.)	Доля в пяти осн. городах	Число муж. (чел.)	Доля муж.
Социологические проблемы труда (№ 6)	197	66	0,34	26	0,13	112	0,57	141	0,72
Малые области интересов	97	64	0,66	45	0,46	71	0,73	78	0,8
Социологические проблемы личности (№ 21)	71	35	0,49	13	0,18	35	0,49	49	0,69
Социологические проблемы искусства и культуры (№ 25)	71	24	0,34	25	0,35	50	0,7	53	0,75
Социальная структура советского общества (№ 9)	69	38	0,55	7	0,1	42	0,61	48	0,7
Общетеоретические и методологические вопросы социологии (№ 1)	61	45	0,74	19	0,31	42	0,69	53	0,87
Социологические проблемы управления (№ 15)	59	29	0,49	12	0,2	41	0,69	54	0,92
Социологические проблемы массовых коммуникаций (№ 37)	52	12	0,23	17	0,33	36	0,69	35	0,67
Социологические проблемы криминологии (№ 11)	50	35	0,7	38	0,76	41	0,82	40	0,8
Проблемы социальной психологии (№ 20)	48	31	0,65	14	0,29	26	0,54	38	0,79
Социологические проблемы воспитания (№ 18)	45	23	0,51	4	0,09	26	0,58	30	0,67
Социологические проблемы молодежи (№ 26)	44	14	0,32	6	0,14	21	0,48	30	0,68
Методика и техника социологических исследований (№ 2)	43	19	0,44	26	0,6	36	0,84	34	0,79
Исследования бюджетов свободного времени (№ 13)	41	25	0,61	7	0,17	20	0,49	32	0,78
Социологические проблемы атеизма и религии (№ 19)	38	21	0,55	5	0,13	15	0,39	34	0,89

¹⁹ На примере этого перечисления видно, что список был отражением частной инициативы отдельных академических антрепренёров и неизбежно сопряженной с ней случайности: некоторые казалось бы благодатные для советской социологии темы практически не были затронуты. Так, например, изучение спроса и потребительской удовлетворённости полностью осуществлялось за пределами ССА. О ранней истории советской маркетинговой работы я узнал благодаря неопубликованной работе Ольги Королевской.

Таблица 1. Продолжение

Название секции	Кол-во членов (чел.)	Кол-во обладателей степеней (чел.)	Доля обладателей степеней	Число в Москве (чел.)	Доля в Москве	Число в пяти осн. городах (чел.)	Доля в пяти осн. городах	Число муж. (чел.)	Доля муж.
Социологические проблемы образования (№ 16)	37	9	0,24	4	0,11	20	0,54	22	0,59
Социологические проблемы физического воспитания и спорта (№ 33)	36	18	0,5	22	0,61	27	0,75	29	0,81
Социологические проблемы трудовых коллективов (№ 8)	36	11	0,31	3	0,08	17	0,47	31	0,86
Социальное планирование (№ 38)	34	7	0,21	0	0	21	0,62	22	0,65
Проблемы градостроительства и архитектуры (№ 23)	34	17	0,5	6	0,18	29	0,85	28	0,82
Эффективность средств идеологического воздействия (№ 17)	28	13	0,46	4	0,14	7	0,25	22	0,79
Проблемы научно-технической революции (№ 39)	28	13	0,46	2	0,07	12	0,43	19	0,68
Социологические проблемы села (№ 27)	27	12	0,44	2	0,07	6	0,22	21	0,78
Социологические проблемы права (№ 22)	27	23	0,85	12	0,44	23	0,85	21	0,78
Социологические проблемы науки (№ 5)	25	9	0,36	11	0,44	23	0,92	23	0,92
Социологические проблемы международных отношений (№ 29)	24	15	0,63	4	0,17	7	0,29	21	0,88
Исследования общественного мнения (№ 12)	23	9	0,39	11	0,48	15	0,65	18	0,78
Демография (№ 10)	20	13	0,65	8	0,4	17	0,85	16	0,8
Социологические проблемы рационального распределения трудовых ресурсов (№ 7)	20	5	0,25	3	0,15	13	0,65	14	0,7
Другие социологические проблемы (№ 40)	17	15	0,88	12	0,71	13	0,76	17	1,0

Рисунок 1 суммирует общий паттерн, наблюдающийся в таблице 1. Этот паттерн отчётливо напоминает о *Homo Academicus* Бурдьё [Bourdieu 1988]. В общем и целом, существуют преимущественно мужские и высокостатусные (в смысле академических рангов тех, кто ими занимается) специальности и преимущественно женские и низкостатусные. Примеры первых — секции «Другие социологические проблемы» (№ 40, её назвали в качестве сферы своих интересов все состоявшие в ССА академики, кроме одного), «Общетеоретические и методологические проблемы социологии» (№ 1), «Малые области интересов», «Демография» (№ 10) и две криминологические области «Социологические проблемы права» (№ 22) и «Социологические проблемы криминологии» (№ 11). Примеры вторых — категории «Социальное планирование» (№ 38), «Социологические проблемы образования» (№ 16), «Социологические проблемы рационального распределения трудовых ресурсов» (№ 7), «Социологические проблемы труда» (№ 6), «Социологические проблемы молодежи» (№ 26), «Проблемы НТР» (№ 39).

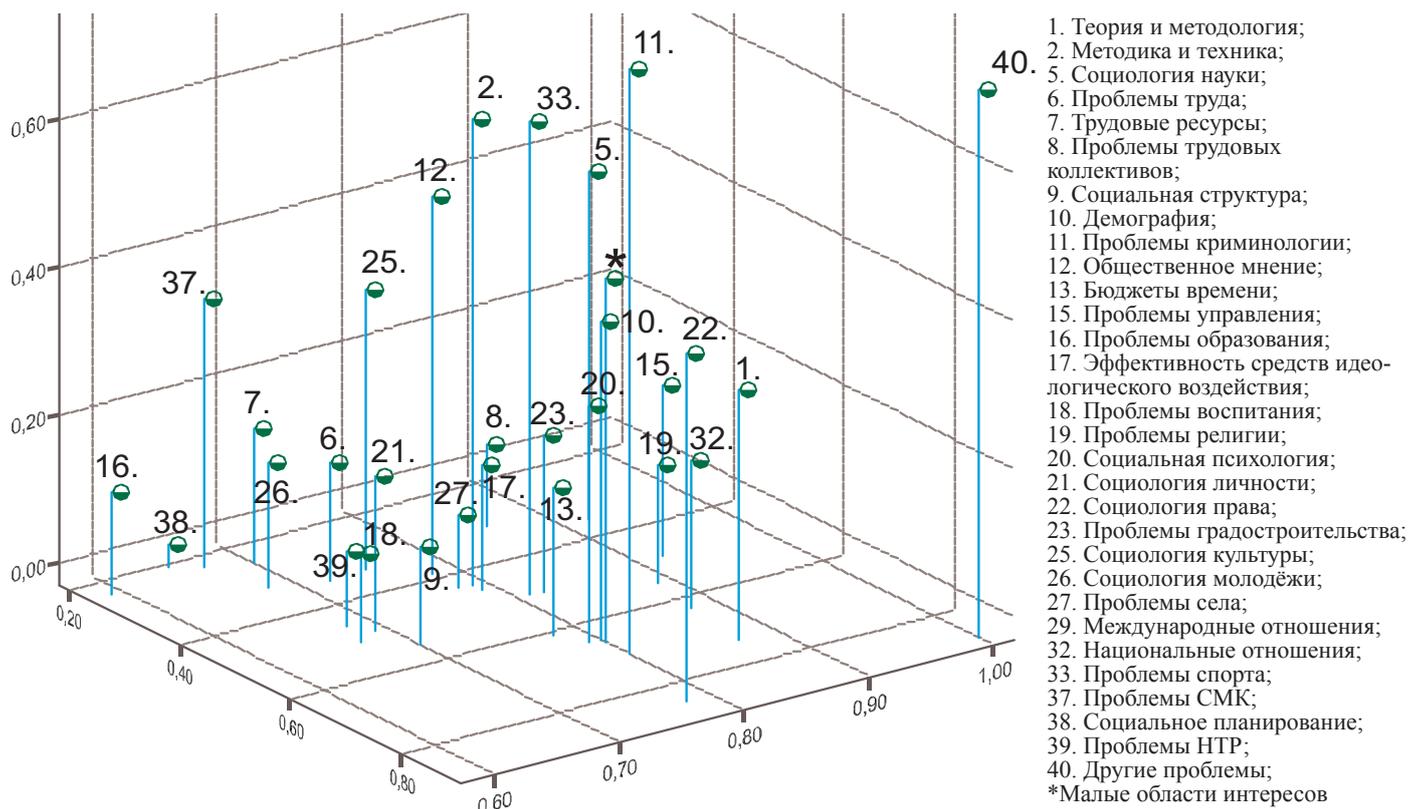

Примечание: коэффициент R^2 для линейной регрессии равен 0,310 (уровень значимости 0,001).

Рис. 1. Доля обладателей учёных степеней и доля мужчин среди членов 30 групп по интересам ССА (названия секций сокращены)

Кроме того, как показывает рисунок 2, элитарные субдисциплины были непропорционально сконцентрированы в Москве. Это было частью более общего паттерна: чем выше средний статус принадлежащих к специальности, тем сильнее тенденция к их концентрации в одном из крупных городов. Чаще всего этим городом оказывалась Москва, как в случае с криминологами (группа интересов № 11) или специалистами по методике и технике исследований (№ 2), но для некоторых других субспециализаций столицами были Киев (урбанистика, № 23), Новосибирск (бюджеты времени, № 13) или Свердловск (исследования социальной структуры, № 9). Для более мелких городов и менее элитарных субспециальностей, однако, тенденция к концентрации групп по интересам в каком-то центре нетипична. Существенно чаще возникает ситуация, в которой, скажем, шесть членов ССА, работающих в одном населённом пункте, называют шесть разных областей интересов, причем это как раз те области, в которых обладателей степеней меньше всего, а женщин — больше всего. На низшем уровне наблюдается общая тенденция к территориальной гетерофилии — разности, а не сходства, притягиваются друг к другу в пространстве. Лишь в более крупных центрах обнаруживается обратная тенденция.

В качестве отправной точки при интерпретации этого паттерна мы можем констатировать, что здесь присутствует биполярная структура с узнаваемыми академическим и профессиональным полюсами. На первом, академическом, малочисленном, преимущественно мужском, остепенённом и московском, находятся теория и методология, методы, всевозможные малые области специализации (включая историю и критику буржуазной социологии, различные сравнительные и международные темы и т. д.), а также несколько элитарных специализаций — демография и криминология, прежде всего — преимущественно субспециальности, ориентированные на производство и трансляцию знания узкому кругу коллег. На втором, профессиональном, многочисленном, в большей степени женском, неостепенённом и провинциальном, расположены социальное планирование, социология труда в разных версиях, про-

Примечание: коэффициент R^2 для линейной регрессии равен 0,278 (значимость 0,012).

Рис. 2. Связь доли обладателей степеней и доли мужчин с долей группы по интересам, локализованной в Москве (названия секций сокращены)

блемы молодёжи и образования — субспециальности, предлагающие аутсайдерам сравнительно стандартные услуги.

Каким образом массовость связана с локализацией в Москве, преобладанием мужчин и остепенённостью? Опять же, в качестве первого предположения мы можем допустить, что связь между численностью академического и профессионального полюсов была нелинейной: количество производителей образцов работы не уменьшалось строго пропорционально количеству их потребителей. В меньших субспециализациях соотношение представителей академического и профессионального полюсов было ощутимо сдвинуто в сторону первого полюса. Это было характерно в первую очередь для малых групп интересов, не имевших массового рынка, — социологии международных отношений или политической социологии, представители которых могли выступать в практическом плане только журналистами, лекторами общества «Знание» или консультантами при высших партийных и правительственных органах. Эти субспециальности имели академический полюс, но практически не имели профессионального, поскольку те немногочисленные услуги, которые их представители могли оказать внешней публике, оказывали сами «академики».

Разумеется, в системе, видевшей ценность исследований только в их применимости к практике, небольшие субдисциплины и вовсе могли не возникнуть. Их шансы, помимо чистого случая, определялись властью группы заинтересованных в них аутсайдеров. Если те были достаточно влиятельны, чтобы добиться создания академического подразделения, обслуживающего их интересы, это подразделение возникало. Как следствие, средний статус и самих представителей малых субдисциплин, и клиентов, с которыми они были связаны, должен был быть в среднем выше, чем статус больших. Слож-

но сказать, в какой степени это придавало престиж данной субспециальности в глазах коллег²⁰. Связь массовости субдисциплины с известностью её отдельных представителей была скорее положительной, чем отрицательной. Самыми громкими именами обладали те советские социологи, кто находился на академическом полюсе наиболее массовых субспециализаций (например, Ядов и социология труда) или производил методические образцы работы, которые могли быть адаптированы к их потребностям; исключение составляли лишь несколько ретрансляторов идей «буржуазной социологии» (Андреева, Кон, Ионин).

Это объясняет связь между размером субспециализации и её большей академической или профессиональной направленностью. Но почему на академическом полюсе было больше обладателей научных степеней, жителей Москвы, в меньшей степени — других крупных городов и мужчин? Первое поддается объяснению проще всего: академический полюс был локализован в учреждениях, при которых существовали диссертационные советы. Кроме того, карьерное продвижение в них напрямую зависело от обладания степенями, так что их сотрудники имели и возможность, и настоятельную потребность защищать диссертации.

Объяснить второе (преобладание жителей мегаполисов) несколько сложнее. Вероятно, основную роль сыграло то, что в отношении академического и профессионального полюсов действовала разная административная логика. Академия наук мыслила себя как единое индустриальное предприятие, производящее открытия. Всегда, когда это было возможно, она стремилась сконцентрировать исследования в соответствующей области в каком-то одном подразделении, чтобы избежать дублирования разными группами работы друг друга. В идеале в стране должен был бы существовать один-единственный сектор, ответственный за развитие каждой из областей, который, как правило, оказывался в Москве. Академические институты не обязательно находились в столице, но их концентрация в Москве была выше, чем где бы то ни было ещё. Тем не менее некоторые группы оказывались в результате в других крупных научных центрах — урбанистика в Киеве или разработка теорий социального планирования в Ленинграде и Перми.

Напротив, в отношении профессионального полюса действовала иная — территориальная — логика наподобие той, которая действует в отношении сетевых магазинов. Каждый потенциально нуждающийся в услугах социолога какого-либо профиля должен был бы иметь хотя бы одного под рукой. Территориальное распределение специалистов этого типа подчинялось спросу на их услуги, а не соображениям ликвидации тематических пересечений между разными территориальными группами. Критики буржуазной социологии могли (и даже должны были) быть сконцентрированы в одном-двух местах, но не специалисты по трудовым отношениям.

Эта территориальная организация рынка труда стремится к той, которую мы наблюдаем в любой специализации, где численно доминирующий профессиональный полюс сосуществует с развитым академическим; например, в медицине. В посёлке есть фельдшер; в селе покрупнее — терапевт, дантист и хирург; в небольшом городке к ним прибавятся невропатолог, ортопед и психотерапевт; в городе приличных размеров появится медицинский институт с некоторым количеством остепенённых преподавателей; в большом городе обнаружится исследовательский кардиологический институт, который сдвинет пропорции в сторону более академической специализации.

²⁰ Здесь и далее я подразумеваю под статусом некоторые легально закреплённые формальные атрибуты и наборы полномочий (учёные степени, звания, позиции), а под престижем — неформальное отношение почтения. О сложности соотношения среднего статуса представителя какой-то группы (который измеряют шкалы типа Блау—Данкана, с небольшими вариациями использованные и здесь) и престижа [Goldthorpe, Nore 2008 (1972)]. Предсказание Эбботта состоит в том, что наибольшим корпоративным престижем в целом будут пользоваться малочисленные группы, локализованные на академическом полюсе [Abbott 1981], но применительно к советской социологии проверить это не представляется возможным.

Остаётся вопрос о причинах преобладания мужчин в элитарных специализациях. Я не готов предложить здесь какое-то объяснение и целиком оставляю его следующему исследователю (или, скорее, исследовательнице). В качестве информации к размышлению: логлинейный анализ таблиц указал на значимость всех парных связей между переменными — пол, степень и локализация в Москве (хотя связь между полом и локализацией в Москве и представляется слабее других, тем не менее в столице, кажется, присутствовала гендерная дискриминация, которая отсутствовала в других местах). Более того, все парные связи вместе не дают модели, которая была бы сходной с наблюдаемым распределением, что заставляет усмотреть тут кумулятивный эффект. Таблица 2 суммирует результаты.

Таблица 2

Результаты логлинейного анализа связей между полом, обладанием научной степенью и локализацией в Москве

Модель	Степени свободы	Хи-квадрат	Значимость
Пол*Степень	6	421,37	0,000
Степень*Москва	6	443,90	0,000
Пол*Москва	8	504,80	0,000
Пол*Степень; Степень*Москва	3	7,37	0,061
Пол*Степень; Пол*Москва	4	87,01	0,000
Степень*Москва; Пол*Москва	4	50,89	0,000
Пол*Степень; Степень*Москва; Пол*Москва	2	7,38	0,025

Разумеется, описанная логика не определяла географическое распространение и характеристики персонала в разных специализациях полностью. Балансом для этих соображений были другие, утверждавшие важность свободы научного поиска и ценность исследовательского любопытства. Они никогда не были полностью изгнаны из области управления советской наукой. ССА не отказала группе из трех заинтересованных в социологии религии из Ивано-Франковской области под тем предлогом, что там не место ею заниматься. Но рынок труда был организован таким образом, что делал отклонения от паттерна сравнительно редкими.

4. Рынки труда и профессиональные карьеры

Любая специализация — и на своём профессиональном полюсе, и на академическом — существует в каких-то организационных полях. Список 1970 г., состоящий из 231 коллективного члена ССА, даёт представление об организациях, в которых работали социологи, и об их количестве. Среди них следующие:

- кафедры образовательных институтов (включая Академию общественных наук и систему Высших партийных школ) и исследовательские институты или лаборатории при них — 91 (39%);
- лаборатории научной организации труда на индустриальных предприятиях — 40 (17%);
- институты Академий наук (считая республиканские) — 38 (16%);
- ведомственные и отраслевые институты и исследовательские центры — 31 (13%);
- партийные, комсомольские и правительственные учреждения (включая лаборатории при них) — 15 (6%);
- прочие (массмедиа, профсоюзные органы, общественные организации и проч.) — 16 (7%).

С точки зрения отдельного социолога, эти позиции делились на два основных класса: на связанные и не связанные с конкретным заказчиком прикладных исследований. К первым относились все, кроме сотрудников исследовательских институтов и некоторых вузовских преподавателей. Социологи, приписанные к организации, проводили исследования, относящиеся к её профилю: в заводских лабораториях занимались рациональным распределением трудовых ресурсов, мотивацией, текучестью кадров и социально-психологическими свойствами коллективов; в лабораториях при вузах — проблемами образования; партийные органы были особенно озабочены эффективностью пропаганды; комсомольские лаборатории в дополнение к этому — изучением проблем молодёжи; СМИ исследовали свою аудиторию, а урбанисты участвовали в городском планировании. Некоторые из этих позиций предполагали постоянную и оплачиваемую занятость, другие реализовывались «на общественных началах» (особенно это касалось комсомольских, партийных и военных организаций), что, правда, часто также подразумевало освобождение от части других обязанностей. Хотя социологи, приписанные к организациям, и составляли абсолютное большинство в специализации, об их работе известно удручающе мало: наша история советской социологии несправедливо академична²¹.

Большая часть работы прикладных социологов состояла из выработки самых разнообразных рекомендаций для руководства предприятия на основании более-менее стандартных методик. Так, группа социологов на ленинградском электровакuumном заводе «Светлана» давала советы по научной организации труда, вносила рационализаторские предложения по использованию рабочей силы, оптимизировала бюджеты времени, вырабатывала предложения по сокращению текучести кадров, участвовала в разработке планов социального развития, включавших организацию вечернего образования, создание детских садов и культмассовую активность, а также оптимизировала социально-психологический климат, способствуя возникновению того, что сегодня назвали бы корпоративной культурой [Русалинова 2008]. Это, вероятно, было наиболее полным ассортиментом услуг, которые предприятию когда-либо оказывали социологи. Прочие получали усечённые версии того же меню.

Положение тех, кто не был связан с конкретной организацией-заказчиком, а работал в исследовательском институте или вузе, освещено в имеющихся источниках существенно лучше. К ним относились прежде всего институты, входившие в систему Академии наук (для социологии — Институт философии АН, Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ), переименованный затем в Институт социологических исследований (ИСИ) АН, Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) в Ленинграде, Институт экономики и организации процесса производства (ЭОПП) в Новосибирске, институт в Научном центре в Свердловске), но также и в систему Академии педагогических наук, ВЦСПС (Институт международного рабочего движения) и исследовательские институты при вузах (например, Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований при ЛГУ (НИИКСИ), первый исследовательский институт, в профиль которого входила социология). Эти системы существенно варьировались по своему статусу; институты системы АН неизменно занимали верхние строчки в рейтинге. Академические институты были чем-то вроде ресурсного центра, обеспечивавшего локальные группы методиками работы и осуществлявшего «координацию и контроль» работы на местах²². В теории, интеллектуальные мощности его сотрудников и машинное время его ЭВМ всег-

²¹ Так, в архиве проекта «Международная биографическая инициатива», содержащем примерно 50 интервью с ленинградскими социологами, есть только два с людьми, значительное время проработавшими на предприятиях, — М. Е. Илле и Б. И. Максимовым.

²² Статус руководящей и направляющей силы советской науки был официально закреплён за АН. Так, в стенограмме выступления инструктора отдела науки Ленинградского обкома КПСС Ю. И. Мазуренко эта роль описывается так: «В последнее время... проводят очень много опросов, идейный уровень которых совсем не всегда оказывается на высоте. За этими массовыми опросами нет практически никакого контроля. Обком поручил ИСЭПу совместно с ЛО ССА (Ленинградское отделение Советской социологической ассоциации. — М. С.) составить положение по упорядочению социологической работы в регионе. И это образец доверия к вам...» [Алексеев, 2003: 245]. На том же собрании один из выступавших призывал ввести в ученым совет института представителей предприятий, которые могли бы обеспечить «настоящий рабочий контроль» над учёными, уклоняющимися от наиболее важных для народного хозяйства тем по причине недостатка «идеологической выправки» (по выражению еще одного участника собрания).

да должны были быть к услугам тех, кто в них нуждался. Кроме того, в АН были сконцентрированы все те направления исследований, которые мы выше отнесли к академическому полюсу специализации — критика и обеспечение идеологического интерфейса.

Статусные различия внутри одного и того же сегмента организационного поля повторяли существовавшие между сегментами. Статус индивида или организации определялся статусом клиентов и введением новых моделей работы, которые могли (а иногда должны были) копироваться другими²³. И то, и другое соответствовало стратификации внутри советской социологии; например, чем выше в иерархии находилось подразделение, тем больше и важнее была административная единица, план социального развития которой она создавала²⁴. Высшей возможной — и оставшейся неприступной — вершиной было бы, разумеется, создание планов социального развития всего Союза. И одновременно чем большая ответственность лежала на подразделении, тем сильнее была тенденция концентрировать в нём тех, кто мог бы создавать типовые модели работы для всех относящихся к тому же сегменту²⁵.

Меньшему статусу работы в вузовских институтах соответствовала ее более низкая оплата: так, оклады в НИИКСИ ЛГУ были на треть ниже окладов соответствующих позиций в Академии наук²⁶, что приводило к периодическим институциональным миграциям ведущих сотрудников (один из отцов социального планирования В. Р. Полозов перебрался в ленинградский ИСЭП; возглавлявший правоприменительные исследования Л. И. Спиридонов — в Институт МВД в Москве и т. д.). Модель конкурентного рынка академического труда, на котором лучшие организации получают лучших сотрудников, не была совсем незнакома советским учёным.

²³ Самыми популярными книгами советских социологов были или учебники методов, или образцовые работы, демонстрировавшие, как эти методы могут использоваться. При опросе 251 петербургского социолога (см. подробнее: [Соколов, Бочаров, Губа, Сафонова 2010]) респондентов просили назвать пять наиболее повлиявших на них книг. Ответов было 1165; из них 46 (4%) пришлось на работы В. А. Ядова и его различных соавторов (второе место по частоте упоминаний после Макса Вебера). Эти упоминания делились примерно на равные доли для «Человека и его работы» [Здравомыслов, Ядов, Рожин 1967] и «Социологического исследования» [Ядов 1972]. Главный теоретический труд группы Ядова — «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» [Ядов 1978] был упомянут только дважды, каждый раз в сочетании с одной из других ядовских книг (я признателен Виктору Вахштайну, впервые указавшему мне на этот парадокс). На втором месте из текстов советской эпохи оказалась «Рабочая книга социолога» [Осипов 1976] — 13 упоминаний. Цитирование даёт сходную картину.

²⁴ Пример из интервью, в котором информант рассказывает о разделении труда между двумя институтами в Ленинграде (между принадлежавшим к АН ИСЭПом и относившимся к ЛГУ НИИКСИ): *«В ведении НИИКСИ находились мелкие и средние города — Орёл, Пенза, Мончегорск — или республиканские центры — Баку. Исследования образа жизни такого города стоили около 100 тысяч рублей — большие деньги по тем временам. Или составляли планы социального развития предприятий на пять лет. Полозов и Спиридонов составляли. Или были ещё планы для районов Ленинграда, для Невского района. Но для Ленинграда целиком — это ИСЭП. Это не наш уровень. У них были все связи в обкоме»* (муж., когорта 1925–1930 г. р., доктор наук).

²⁵ Мобильность здесь была скорее индивидуальной, чем корпоративной: успешные индивиды переходили в высокостатусные организации, а не повышали статус той организации, в которой работали (см. далее).

²⁶ Определение зарплаток научных сотрудников в каждый момент советской истории оказывается более сложной задачей, чем можно предположить. Размер зарплат, вообще говоря, был не подлежащей разглашению информацией. Люди, изучавшие индустриальные предприятия, официально не знали, кто и сколько там получал [Русалинова 2008: 64]. Разумеется, на самом деле это было для современников (или казалось им) секретом Полишинеля. В интервью несложно получить рассказы вроде такого: *«ВОПРОС: Почему люди уходили из НИИКСИ? ОТВЕТ: В университете профессор получал 4000, то есть по-новому 400, доцент — 250. Научный сотрудник НИИКСИ — 150, потому что все в Минобре считали, что они всё равно будут подрабатывать. А в академии младший научный сотрудник получал 120–160, старший научный сотрудник — 250 при минимальном стаже и без докторской степени, 300 — при стаже более 10 лет, 400 — доктор со стажем более 10 лет. Докторская надбавка была 100 рублей. НИИКСИ стоял ниже и по отношению к университету, и по отношению к ИСЭПу»*. В принципе, получаемые таким образом цифры хорошо согласуются друг с другом, но всё же желательно, чтобы в дальнейшем кто-то из историков советской социологии добрался до исходных зарплатных ведомостей.

Позиции в исследовательских институтах ранжировались по сохраняющейся в общих чертах до сих пор схеме: лаборант, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, завсектором, завотделом, замдиректора, директор. Основное произошедшее за последние 20 лет изменение коснулось разведения научной и административной иерархий: в действовавшей тогда системе не существовало «главных» и «ведущих» научных сотрудников, а завсектором считался ступенькой, непосредственно следующей за старшим научным, как майор за капитаном. Чуть дальше мы увидим, что за этим стояло нечто большее, чем просто путаница между двумя иерархиями. Самые общие ожидания в позднем СССР состояли в том, что старший научный сотрудник (ст. н. с.) будет обладать кандидатской степенью, а завсектором — докторской (и будет членом партии)²⁷. Исключения, однако, были не только возможны, но и вероятны. Так, в постановлении, с которого началась история ИКСИ, специально оговаривалась возможность занятия позиций сотрудниками, не достигшими соответствующего академического ранга [Батыгин 1999], и фактически, судя по составу первых завсекторами, институт широко воспользовался этим. Директор академического института с большой вероятностью был членом-корреспондентом или действительным членом АН.

Все позиции в исследовательских учреждениях номинально заполнялись по конкурсу, который проводился по стандартной схеме: кандидатура сотрудника обсуждалась на собрании подразделения, к которому относилась ставка, а затем утверждалась на собрании более высокого уровня (вообще говоря, это универсальная модель, см.: [Clark, Van de Graaf, Furth, Goldsmith, Wheeler 1978]). Неизбежным отклонением от этой процедуры был подбор персонала нового учреждения. Директор-организатор в этом случае имел полностью развязанные руки для того, чтобы приглашать завотделами и завсекторами тех, кого он хотел видеть на этих позициях, а те, в свою очередь, могли приглашать сотрудников. Последующие избрания просто утверждали созданную таким образом структуру.

Стремительная экспансия Академии наук в 1960-х годах способствовала тому, что именно эта исключительная ситуация была наиболее распространённой: советские социологи, как правило, устраивались на создаваемые под них позиции, занять которые они получали персональное приглашение. Роль конкурсов была столь символической, что в интервью практически невозможно найти упоминания о них. Рекрутирование в социологию было полностью сетевым. В качестве примера в сборнике интервью с советскими социологами, изданном Батыгиным, описывается примерно 60–70 эпизодов получения социологической работы [Батыгин 1999]. Из них только одна попытка трудоустройства (неудачная) происходила по собственной инициативе нанимаемого, который ранее не был знаком с представителями института-нанимателя²⁸. Во всех остальных случаях тот, кто контролирует заполнение вакансии (как правило, это руководитель подразделения), делает личное приглашение. Иногда в деле участвует по-

²⁷ Кроме того, кандидатуры научных сотрудников выше определённого уровня необходимо было согласовывать с партийными органами. Кажется, что водораздел между «прогрессивными» и «смелыми» директорами и «робкими и «консервативными» в социальных науках проходил по вопросу о согласовании ст. н. с. — младшие позиции были в полном ведении институтской администрации, старшие — подлежали обязательному обсуждению с партийным куратором.

²⁸ Это был Леонид Гордон, который так рассказал Геннадию Батыгину о своём приходе в социологию из индологии [Батыгин 1999: 377]: «Создание... в Институте философии сектора (Г. В. Осипова. — М. С.), а потом отдела, где занимались реальной социологией, значило очень многое. Я услышал об этом году в 62-63-м, заинтересовался, ходил на несколько заседаний. Правда, там, как всегда это бывает, не нашлось вакансий...». Реальное трудоустройство, последовавшее несколькими годами спустя, прошло по более традиционному сценарию: «В 1965 году начали создавать социологическую лабораторию в Институте труда... У меня были связи с этим институтом, поскольку он выпускал справочники по труду, и я вёл там восточные разделы... Я решил: теперь или никогда, человек должен совершить поступки — и перешёл работать в социологическую лабораторию Института труда... Мне предлагали заведовать этой лабораторией, но я-то совершенно не чувствовал себя руководителем и отказался».

средник, временами не очень знакомый обеим сторонам, который сводит их вместе²⁹. Тот факт, что номинально на позиции проводились конкурсы, не упоминался в интервью ни разу, поскольку конкурсы эти были (и остаются) чистой воды условностью. По неписаным, но практически никогда не нарушаемым тогда, как и сейчас, правилам, руководитель подразделения выбирает, кто пройдет по конкурсу³⁰.

Советское законодательство столь энергично стояло на стороне трудящегося, что, будучи однажды принятым, сотрудник уже не рисковал быть уволенным, если не допускал крупного политического «прокола»³¹. Во многих институтах, внутренняя история которых не была омрачена жестокими конфликтами, мы встречаем людей, приглашённых первым директором 40–50 лет назад (среди сотрудников НИИКСИ в Петербурге до сих пор ведущую роль играют дипломники его создателя — академика Б. Г. Ананьева). В ходе «погрома» Института социологических исследований (1972–1974 годы) не произошло ни одного насильственного увольнения, за исключением перевода политологического отдела в Институт государства и права и Институт международного рабочего движения (ИМРД)³². Все поданные заявления об уходе были номинально вполне добровольными.

Фактически, однако, руководство имело немало средств, чтобы осложнить жизнь нелюбимого сотрудника и подтолкнуть его или её к уходу. В случае ИСИ при Руткевиче, жертвы кампании лишились подразделений, которые возглавляли, и были переведены с должностей завсектором на должности старших научных сотрудников. Не теряя при этом существенно в заработной плате, они лишались собственных направлений исследований. Тематическими единицами внутри Академии наук были сектор или группа, а не индивид. Перевод в другой сектор обозначал необходимость заниматься исследованиями в какой-то другой области. Специфические познания в данной субдисциплине или интерес к данной проблеме в общем и целом не рассматривались как легитимные основания для отказа от переквалификации: социолог семьи, переброшенный в сектор исследований проблем социалистического соревнования, должен был в своё основное рабочее время писать отчёты по соцсоревнованию. Воспоминания младших научных сотрудников советских академических институтов полны жалоб такого рода: *«Я бы те годы назвала “без лица”. Для младшего научного сотрудника жизнь была встроена в узкие рамки системной иерархии и бесперспективна на долгие годы. Иерархические отношения были сконструированы достаточно жёстко, и все мы, молодые сотрудники, были как пешки, которых переставляли из одного подразделения в другое, исходя из соотношения сил в руководстве института,*

²⁹ Самый типичный пример истории рекрутинга в изложении Г. В. Осипова выглядит так: *«Люди искали. Как-то приходит ко мне один человек, говорит: “Есть у меня сосед, вроде такой смыслённый, работает в одном вузе на кафедре экономики”. — “Давай, — говорю, — приводи его ко мне”. Приводят (это просто как иллюстрация, таких примеров были десятки, сотни). Такой молодежавый, боевой. Беседуем — так, мол, и так. “Ну, хорошо, — заключает он, — только заранее предупреждаю: бригадами коммунистического труда заниматься не буду!” — “Ладно, оставь своё заявление”. И я сразу его зачислил. Вот так было с Владимиром Николаевичем Шубкиным»* [Батыгин 1999: 98].

³⁰ Следует отметить, что конкурсы обставлялись со значительно большей помпой, чем это происходит сегодня: объявления о вакансиях в региональных вузах появлялись на страницах главных региональных газет, а не только во внутри-университетских бюллетенях.

³¹ В ходе регулярных аттестаций политическая сознательность академических сотрудников оценивалась наравне с их научными достижениями. Однако, поскольку свидетельством вторых считались вовремя сдаваемые отчеты (времена принудительной публикационной активности были еще далеко впереди), только растрата политического кредита могла закончиться скорой дисквалификацией.

³² История перемещений бывших сотрудников ИСИ после «погрома» ещё раз подчёркивает и значение сетей, особенно сетей, разделяющих общие идеологические лояльности, и важность политического патроната. Н. Ф. Наумова в интервью Батыгину рассказывает об этом эпизоде следующее: *«Мы хотели куда-то устроиться всей группой, не получалось. У нас телефон не умолкал, все спрашивали, не нужно ли чем помочь и т. д. Говорят, что В. Н. Кудрявцев (даже не разговаривая с нами) уже куда-то ходит и получил разрешение взять нас в свой Институт предупреждения преступности. Нас приглашал Б. Ф. Ломов, мы беседовали, и он готов был предложить нам работу, но ему не разрешили в ЦК. Потом ещё где-то не разрешили, и мы в общем были уже немножко в панике. Единственный человек, который мог позволить себе не оглядываться на все распоряжения ЦК, был Гвишиани, зять Косыгина. Он нас спокойно взял. Так мы оказались в Институте проблем управления»* [Батыгин 1999: 312].

без внимания к собственным научным интересам и потребностям» [Семёнова 2010: 6–7]. Позиция старшего научного сотрудника обеспечивала несколько больший иммунитет, но только завсектором мог вести полностью самостоятельный проект³³. Лишение сектора означало потерю научного профиля, причём недоброжелательный директор мог позаботиться, чтобы новая тематика оказалась как можно менее привлекательной. К другим способам выдавливания относились отказы в важных для развития карьеры командировках или привлечение внимания партийных органов к предполагаемым нарушениям. В целом, если директор в неформальной беседе советовал сотруднику подыскать себе другое место работы, к этим рекомендациям стоило прислушаться.

Основные институциональные миграции, которые мы наблюдаем в советской социологии, связаны, видимо, не столько с финансовыми соображениями³⁴, сколько с возможностями работы по интересам. Где-то сменялся директор, и вместо более либерального приходил более ортодоксальный или более осторожный. Где-то, наоборот, руководитель, известный своим вольнодумством и политическим влиянием, собирал команду. Сети постоянно поддерживали подобие Парето-оптимального распределения работ, при котором спрос и предложение встречали друг друга, гарантируя удовлетворение, максимально возможное при существующем уровне свободы³⁵.

Второй разновидностью позиций, не связанных с потребностями конкретного предприятия, были штатные должности в образовательных учреждениях, которые восходили по аналогичной иерархии — от ассистента через доцента к профессору, а затем к завкафедрой, заведующему отделением, декану

³³ Разумеется, реальный объём свободы научного поиска определялся отношениями дирекции с завсектором, а его — с подчиненными. На бумаге сектор критики буржуазной социологии реализовал один общий проект по разоблачению клеветнических измышлений, где каждый исполнял отведённую ему роль. В реальности при свободомыслящем руководителе он был кружком интеллектуалов, каждый из которых читал в спецхране книги приглянувшегося ему западного мыслителя. Эмпирические исследования оставляли меньше пространства для маневра (опрос на тему социологии семьи сложно закамуфлировать под изучение социалистического соревнования), а потребность советских социологов участвовать в переустройстве общества ограничивала готовность большинства из них писать в стол или читать Теодора Адорно под одеялом.

³⁴ Исключение составляли обещания решить главный советский вопрос — квартирный. Фольклор о возникновении новосибирской школы упоминает одного из ее отцов-основателей — Г. А. Пруденского, «у которого в столе был ящик, полный ключей от квартир и коттеджей».

³⁵ Приведём пример типичного описания условий, в которых сотрудник задумывался о смене места работы: «А потом, как всегда, работали социальные сети. Помогли мои друзья, люди из академических кругов, работавшие в разных академических учреждениях. Я искал работу в то время, заканчивался цикл этот, надо было уходить из этого института — ушёл директор, развалилась та команда, которую мы там сформировали в своё время. В общем, бывают такие реорганизационные циклы. И меня свели тогда, и даже не свели, а просто позвонили Федору Михайловичу Бурлацкому. И он, так сказать, не видя меня в глаза, не зная ничегошеньки, но по рекомендации тех людей, которые меня ему представили, взял меня на работу в ИКСИ» [Травин 2008: 4]. Во многих интервью особенно подчёркивается изменение политического «климата», или «атмосферы», в институте. Вот описания с противоположных полюсов того, что происходило в ИКСИ в 1971 г., накануне прихода Руткевича. Шляпентох вспоминает: «Вера в то, что создание социологии — великое дело, объединяла не только высший комсостав социологии, но и рядовых бойцов и офицеров. Действительно, когда я приехал в Москву в 1969 г., я застал фантастическую картину в новом институте. Институт был переполнен «леваками», имевшими очень отдалённое отношение к социологии, были даже подписанты. Среди ярких либеральных звёзд был журналист Лев Анненков (имеется в виду Лев Аннинский; см. ниже. — М. С.) и экономист Геннадий Лисичкин. С приходом «палача социологии» Руткевича и политической реакцией в стране ситуация коренным образом изменилась. Сразу выяснилось, что мы, либералы, превратились в преследуемое меньшинство» [Шляпентох 2006]. Приведём мнение Руткевича: «Так что если говорить насчёт разгона — это всё, знаете ли, сказки. Конечно, при мне не было той свободы, при которой можно месяцами не ходить на работу (подобно литературоведу Аннинскому). Вообще, в ИКСИ царил хаос. Левада организовывал семинары, приглашал каких-то сексопатологов для чтения публичных лекций. Я был убеждён, что это интересно, но вовсе не входит в тематику института. Семинар этот я прикрыл» [Батыгин, 1999: 245]. У политического либерализма в российской истории есть очень отчётливые организационные корреляты. Временами они записывают в ряды консерваторов тех, кто просто любит, когда поезда ходят по расписанию.

и ректору (университетов) или директору (образовательных институтов)³⁶. Система конкурсов повторяла таковую в исследовательских учреждениях. При кафедрах часто создавались социологические лаборатории, главным преимуществом которых было то, что они позволяли нанимать инженерный персонал и заключать хоздоговоры, привлекая к работе. Сам вуз, к которому относилась лаборатория, часто и был её основным заказчиком, но его потребности редко поглощали все силы подразделения без остатка. За исключением нескольких факультетов МГУ (философский, факультет журналистики) и ЛГУ (философский, экономический), а также партийных школ и институтов повышения квалификации (например, ВПШ при Ленинградском обкоме КПСС, Академия общественных наук в Москве) вузовский лектор, причастный к социологии, преподавал какие-то другие предметы. Тем не менее в некоторых отношениях его позиция оставляла ему больше личной свободы и даже времени для реализации своих интересов: *«Понимаете, преподаватели — они были в каком-то смысле свободнее. Они могли отчитывать положенные им часы — и быть свободны, идти в библиотеку, работать дома. А мы сидели в институте от звонка до звонка»* (муж., когорта 1935–1939 г. р., доктор наук).

Противопоставление связанных и не связанных с конкретным клиентом позиций, введенное выше, было, однако, до некоторой степени условным. Сотрудники исследовательских институтов или университетских лабораторий часто работали по хоздоговорам с предприятиями. Заключение хоздоговоров было одной из широко поощрявшихся форм интеграции достижений науки в так называемую «практику». Хотя возможности получения дополнительных денег за счёт этого сотрудниками институтов были ограничены, руководители исследований могли нанимать дополнительный персонал. Как правило, штатный научный сотрудник, работавший по хоздоговору, просто сохранял свою зарплату, занимаясь более интересной темой, чем та, которую ему поручили бы в институте. Однако дополнительно к своей ставке он мог получить ставки для нескольких младших коллег, обеспечивая таким образом работой членов своей патронатной сети. Последовательные хоздоговоры, кроме того, были одним из способов обоснования необходимости создания нового подразделения в институте и институционализации сложившейся исследовательской группы³⁷. Другим способом создания нового подразделения через внешний заказ было привлечение влиятельного политического патрона, который мог обратиться напрямую к руководству АН, как в истории о создании сектора проблем соцсоревнования в ИСЭПе: *«П. сделал сектор, написав бумагу о кризисе соцсоревнования в руководство ВЦСПС. Те обратились в Президиум Академии наук. Ну а что могла сделать Академия наук в таком положении? Разумеется, она выделила штаты»* (муж., когорта 1925–1929 г. р., доктор наук).

Связи с потенциальными клиентами были одним из основных факторов восходящей карьерной мобильности в 1970-х и ранних 1980-х годах. Несмотря на важность прикладных исследований для академической карьеры, в опубликованных интервью о том, как получались крупные заказы, рассказано поразительно немного. Складывается впечатление, что личное знакомство с представителями директорского корпуса или партийного руководства, которое могло сыграть роль заказчика или посредника,

³⁶ В советской бюрократической культуре, пронизанной духом «Табели о рангах», было несколько попыток эксплицитно согласовать одну иерархию с другой. Первая из них относится еще к 1934 г. [Козлова 2001] Тем не менее полного соответствия так и не было достигнуто: в 1970-х годах неясно было, равен ли завсектором завкафедрой или профессору, старший научный сотрудник — профессору или доценту, и т. д.

³⁷ ВОПРОС: *Как в советском научном институте можно было застолбить за собой новую тему? Сложно это было при сложившейся структуре секторов? ОТВЕТ: Да нет, не очень сложно. Вначале надо было обозначить её как инициативную. Группа собирается, что-то производит, печатает, затем тему можно застолбить за институтом, а затем создать под неё сектор. Хороший пример развития новой темы — Павел Лебедев, основал (в НИИКСИ при ЛГУ. — М. С) тематику управления. Тогда все увлекались кибернетикой... диссидентской немножко. Он начал с того, что включил её в качестве подтемы в тему социального планирования как элемент оптимизации управления, а из этого создал Лабораторию режимов управления в трудовых коллективах* (муж., когорта 1940–1944 г. р., без степени).

было тут наиболее существенным активом³⁸. В целом логика карьерного роста была вполне рыночной: чем важнее был контракт, который сотрудник приносил в институт, тем шире становились привилегии и полномочия этого сотрудника. Некоторые институты в прямом смысле привязывали результативность работы индивида к его (или её) финансовой отдаче (например, «хозрасчетный» Институт экономики и организации промышленного производства в Новосибирске, в котором не добывавшая контрактов группа социологов удерживалась только благодаря покровительству директора Аганбегяна [Батыгин 1999: 144]). В других случаях, как, например, в центральных академических институтах, деньги не играли той роли, которую играл политический статус той или иной работы: разработка информационной системы для Ленинградского обкома партии и кабинет в Смольном позволяли сотрудникам сектора Фирсова в ленинградском ИСЭПе сосуществовать с крайне недружелюбно настроенным директором до тех пор, пока контракт не был прерван (продолжение и развязку этой истории см. в разделе 5).

Поскольку СССР трогательно заботился о том, чтобы уберечь своих граждан от излишних материальных соблазнов, возможности для совмещения позиций в нескольких организациях и даже занятие несколькими параллельными проектами в одном и том же исследовательском институте были существенно ограничены. Совместительство в качестве преподавателя для сотрудников исследовательских институтов допускалось в согласительном (со стороны руководства обоих учреждений) порядке, но, в принципе, поощрялось различными мерами по развитию аспирантуры³⁹. В целом кажется, что преподавание в пределах половины ставки не было чем-то необычным среди научных сотрудников, но не являлось и слишком распространённым. Аналогично совместительство полуставочных позиций в институте и полных на предприятиях допускалось как способ «укрепления связи науки с жизнью». Но совместительство исследовательских позиций представляется достаточно редким. Сотрудники института могли заключить частный договор с внешним заказчиком и работать на него в свободное от основной занятости время. Та же группа Фирсова выполняла по вечерам контракт со Всесоюзным театральным обществом на изучение аудитории. Но получение значительных доходов из внешних источников давало почву для обвинений. Как обычно происходит с правоприменением, меры принимались, лишь когда существовал кто-то, заинтересованный в этом, так что большинство случаев такого рода, вероятно, не имели никаких дурных последствий. Для ленинградских исследователей театра, однако, конфликт с директором ИСЭПа Сиговым привёл к тому, что внешний контракт стал одним из поводов к преследованиям⁴⁰.

Судя по довольно фрагментарным данным, должностные позиции на предприятиях часто использовались важными фигурами как способ трудоустройства для младших членов своей сети, для которых не

³⁸ ВОПРОС: Как заключались хоздоговоры? Как искались партнёры? ОТВЕТ: Кто с кем сумел договориться, тот с тем и работал. Обычно директива исходила сверху – например, ЦК поручил НИИ автоматики заключить договор с НИИКСИ. Каким пришла мысль в голову, я не знаю. Возможно, они знали про Ядова (который был всем известен) и вспомнили, что после него осталась какая-то лаборатория в НИИКСИ (муж., когорта 1940–1944 г. р., без научной степени). Самое информативное интервью на эту тему см.: [Шкаратан 2008].

³⁹ Так, типовой устав НИИ при вузе образца 1984 г. содержит следующее положение (параграф 29): «НИИ при вузе с разрешения органа по управлению вузом и по согласованию с ректором высшего учебного заведения привлекает профессорско-преподавательский состав соответствующих кафедр и факультетов вуза к выполнению хоздоговорных научных исследований» [Типовой устав... 1984].

⁴⁰ Воспоминания участников той истории не согласуются в некоторых отношениях. Фирсов в беседе с автором данной статьи вспоминал, что ему инкриминировалась неуплата партийных взносов с полученных средств, и он легко отвёл обвинения, поскольку взносы были уплачены. В стенограмме, которую цитирует А. Н. Алексеев, однако, речь идёт о получении денег сверх зарплаты как таковой и соответственно о несовместимом с моральным обликом советского учёного стяжательстве фигуранта: «Фирсов мало времени уделяет работе сектора, много времени затрачивает вне института, в частности по хоздоговору в ВТО. Общий заработок (Фирсова. — М. С.) существенно превышает оплату в институте» [Алексеев 2005: 240]. Правда, Алексеев не уточняет степень точности стенограммы, в его коллаже она приведена без ссылки. В любом случае, оплата по контракту была сравнительно невелика — около 80 руб., а Фирсов, по его словам, получал около 450 руб. как доктор наук и завсектором.

находилось штатных исследовательских или преподавательских ставок. Мы видим, однако, отсутствие прямой конкуренции между ними и самозваными социологами, чей приход в профессию не был санкционирован элитарными группами. Долгая борьба организованной профессии с «дикой» медицинской или юридической практикой не имеет параллелей в истории советской социологии. Одной из причин может быть перевес спроса над предложением в условиях, когда массовые образовательные программы для социологов не открылись и соответственно сети, базирующиеся в институтах и вузах, просто не производили достаточное количество учеников, требовавших трудоустройства. Это положение изменилось в последующие десятилетия, но одновременно преобразовались и сами рынки, на которых социологи предлагали свои услуги.

5. Золотая осень советской социологии

В истории советской социологии отчётливо прослеживаются три цикла институционализации. Первый начинается с постепенной реабилитации понятия «социология» как родового (1950-е годы) и учреждения социологической ассоциации (1958 г.), включает создание множества заводских лабораторий и академического института (1970 г.) и завершается началом выпуска постоянного журнала (1974 г.). К концу данного цикла советские социологи стали вторым по численности национальным дисциплинарным сообществом в мире; даже сегодня только три социологические ассоциации — американская, индийская и японская — насчитывают более 1400 членов. Наступившую затем эпоху собственные историки советской социологии назовут «эпохой серости» [Shlapentokh: 1987]; кажется, что на протяжении следующих 10 лет распространение дисциплины действительно снизило темпы. «Застой» 1970-х — начала 1980-х годов завершится инициативами Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, которые запустят второй цикл институционализации, включающий начало подготовки социологов на уровне первого цикла университетского образования (1984 г.) и создание Всесоюзного центра изучения общественного мнения (1986 г.).

Медлительность советской образовательной системы в инкорпорации социологии часто интерпретируется как результат враждебности соответствующих ведомств к ней [Beliaev, Butorin 1982: 423–424]. Вообще говоря, этому нет никаких подтверждений. Общий педагогический консерватизм и стремление сдерживать рост номенклатуры специальностей могут быть достаточным объяснением, особенно на фоне ощущения, что социология не дотягивает до стандарта «настоящей» науки, а представляет собой лишь корпус текстов и практических навыков, для освоения которых хватит нескольких спецкурсов⁴¹.

Ситуация со всесоюзным исследовательским центром была более сложной. Конкретное социологическое исследование в советском стиле легко приобретало подрывной потенциал. Выработка рекомендаций по решению проблемы подразумевало констатацию этих проблем, что предполагало возложение ответственности, ибо недостаток строительной конструкции означает ошибку архитектора. Поскольку центральный легитимационный миф советского общества видел в нём одно продуманное сооружение (характерно изобилие строительных метафор в официальном языке советской эпохи), любого рода

---

⁴¹ Я лично усматриваю в этом рациональное зерно. Бакалавриат по социологии повсеместно является эрзацем недифференцированного либерального образования, который неизбежно оказывается и не совсем либеральным, и не совсем образованием. Он возникает как компромисс между двумя философиями: одна видит в университете инструмент удовлетворения потребностей личности, а вторая — удовлетворения потребностей экономики. Но СССР полностью отвергал одну из философий, стоящих за этим компромиссом, поэтому в нём не нуждался. Советская образовательная система понимала себя как завод по изготовлению деталей для машины народного хозяйства. Тратить четыре-пять лет на то, что можно изготовить за два семестра (это относилось к прикладным социологам), должно было казаться ей непростительной тратой ресурсов. Что до специалистов по марксистской критике, то их все равно надлежало готовить на философских факультетах.

дефект мог быть только чьей-то ошибкой⁴². Пока проблемы встречались на уровне предприятия или города, они оставались отдельными недостатками, поддававшимися решению частными мерами. Но дефект всей конструкции, который могло констатировать всесоюзное исследование, означал бы ошибку главного архитектора.

Практически исследования на местах часто сталкивались с препятствиями, связанными с тем, что их результаты бросали на кого-то тень. Изучение устной пропаганды показывало, что её объектами становятся только те, кто не в состоянии этого избежать; изучение аудитории центральных газет обнаруживало, что она мало понимает в обращённых к ней посланиях; анализ бюджетов времени партийных работников — что их соприкосновение с «населением» минимально, и т. д., и т. п. В отношении отдельных организаций не слишком высокого ранга их нежелание быть изученными преодолевалось желанием руководства более высокого ранга понять, где проблема, или стремлением низового руководителя выбиться наверх за счет эффективной кампании⁴³. Чем выше был уровень тем слабее во внутреннем метаболизме советской бюрократии действовали фасилитаторы, и тем сильнее — ингибиторы. Членам Политбюро не перед кем было рекламировать себя, и никто не мог принудить их участвовать в инициативе, которая могла бы их дискредитировать. Тоталитарная дисциплина в позднем советском обществе была преимущественно гоффмановской драматургической дисциплиной. Организации всех уровней действовали как театральные команды, выстраивающие друг перед другом эффективную видимость реализации задач, поставленных партией и правительством, и все вместе они поддерживали аналогичный фронт перед внешним миром⁴⁴. В отношении организации более низкого уровня сохранялась возможность принудительного раскрытия её секретов. На самом высшем, однако, существовал деликатный баланс сил, в котором принуждение уже не действовало.

Вернёмся к уже упоминавшейся истории чистки в ИСЭПе 1983–1984 годов, поводом для которой послужило получение группой Б. М. Фирсова контракта от ВТО. Пружиной, запустившей её, был сигнал о немилости, в которую впал руководитель группы в Ленинградском обкоме. Эта немилость была вызвана тем, что Фирсов неосторожно признал во время визита в ЦК наличие в институте данных об удовлетворённости населения Ленинграда здравоохранением. Хотя запрос был сделан по личной инициативе Андропова и, вероятно, не имел целью подготовить атаку на Романова, а данные не были переданы (просто констатировано их наличие), когда информация поступила в Ленинградский обком, тот прервал всякое сотрудничество с разгласителем внутренней информации. Несколько недель спустя

⁴² Дефект, разумеется, мог быть и свойством материала — тяжёлым наследием прошлого, например, или подверженностью западным влияниям. Но после того как выросло поколение людей, прошедших полностью советское воспитание, это перестало быть удовлетворительным способом переложить ответственность. Кто-то отвечал и за качество материала. Увлечение тяжёлым роком среди советской молодёжи означало недоработку школы, комсомола, культмассового сектора и КГБ. Возможно, неспособность разделить с кем-то или чем-то ответственность за происходящее была куда большей слабостью советского строя, чем отставание в гонке вооружений.

⁴³ В статье Аллы Русалиновой (возможно, советского заводского социолога с самым большим стажем) рассказывается о затруднениях, связанных с тем, что практически любое упоминание в отчётах о недостатках работы партийной и комсомольской организаций на заводе приводило к санкциям со стороны райкома. Исследователи в конечном счёте выработали для себя следующее решение: честно озвучивать свои наблюдения в стенах завода, но умалчивать о недостатках за его пределами. Этически это решение было безупречным, но профессионально — убийственным [Русалинова 2008: 82–82].

⁴⁴ Основное обвинение против позднесоветских диссидентов (в том числе и диссидентов от социологии) заключалось в том, что они передавали или могли передать на Запад данные, дискредитирующие советский строй, подорвав, таким образом, совместными усилиями выстроенный фронт. Материалы чисток начала 1980-х годов показывают, что к тому моменту искренность исполнения роли советского человека уже мало кого интересовала. Попытки проникнуть в индивидуальное сознание и обнаружить там глубинное соответствие или несоответствие коммунистическому мировоззрению ушли в прошлое; Голофаства или Алексеева обвиняли в том, что они бросают тень на превосходство советского общества, публикуя материалы, которые, попади они в руки противника, могли быть использованы для пропагандистских целей (опасение, которое лейтмотивом проходит сквозь всё дело Алексева [Алексеев 2003; Алексеев 2005]).

началась внутриинститутская кампания, закончившаяся увольнением Фирсова (впрочем, как обычно, по собственному желанию), закрытием его сектора и переводом сотрудников в другие подразделения.

К началу перестройки советские социологи приобрели обширный опыт подобных фрустраций. Их инициативы по переустройству советского общества ограничивались локальным уровнем и по большей части игнорировались, а иногда завершались репрессиями против инициаторов. Разочарование во «власти» было общим⁴⁵; её жертвы воспринимались как герои. Когда в марте 1987 г. при беспрецедентной явке прошли перевыборы правления северо-западного отделения ССА, наибольшее число голосов набрали жертвы недавних чисток — Голофаст (150 голосов «за» из 177 возможных), Фирсов (139 голосов), Алексеев (127 голосов), Ядов (125 голосов) [Алексеев 2005: 261]. Небольшая группа из пяти ортодоксов во главе с Василием Ельмеевым в знак протеста покинула зал (и ассоциацию). Глядя на результаты подсчёта голосов, можно представить, насколько одинокими Ельмеев и его единомышленники должны были ощущать себя в тот момент.

Перестроечные воспоминания советских социологов с удивительным единодушием определяют 1986–1989 годы как «звёздные часы» их науки [Максимов 2010]. Всероссийский исследовательский центр был наконец открыт. Решение о его создании было принято еще при Черненко, но перестройка, вероятно, ускорила фактическое начало работы и позволила поставить во главе его Заславскую, имевшую репутацию радикального реформиста. Заславская также возглавила ССА и стала советником М. С. Горбачёва, дав своим коллегам надежду на то, что их голос наконец будет услышан властью. Опросы на все темы были узаконены и на некоторое время стали предметом величайшего интереса самой широкой аудитории. Исследования общественного мнения были одним из самых популярных медийных продуктов, о которых, разумеется, никто тогда не думал как о «медийных продуктах»: большая часть того, что происходило в этой области, делалась на чистом энтузиазме. Единственные денежные транзакции, задействованные в проведении первых предвыборных опросов в Ленинграде в 1989 г., состояли в выплате проводившему их Леониду Кесельману небольших гонораров за заметки в газете «Смена». Институт не выделял ни рубля на их проведение, но это было не так уже необходимо, поскольку, по воспоминаниям одного из участников, *«несколько лет нашими интервьюерами были исключительно энтузиасты-добровольцы, и мы ещё выбирали — вот этот подходит, этот не подходит. То есть представить, что это всё можно делать за деньги, никому и в голову не приходило — ни тем, кто работал, ни нам»* (жен., когорта 1970–1974 г. р., кандидат наук).

Прежние рынки труда — заводская и иные прикладные социологии — ещё не начали сжиматься, но уже появлялись новые — первые кооператоры заказывали первые маркетинговые исследования и делали это уже не на полностью безвозмездной основе. Первый в Ленинграде (и, возможно, в стране) целиком ориентированный на коммерческие исследования рынка центр появился уже в 1988 г. Он по инерции назывался «Социологический научно-исследовательский центр» (СНИЦ), и должности в его штатном расписании именовались «научный сотрудник», но внутренне уже идентифицировал себя с коммерческим сектором. Тогда же в РСФСР появилась первая инкарнация Фонда Сороса — «Культурная инициатива». Советские социологи стали получать оплаченные приглашения за границу, и никто не мешал им эти приглашения принимать. Ни до, ни после, наверное, они не чувствовали себя столь востребованными. Все разочарования были впереди. Советской социологии выпала одна из самых редких удач. Её история завершилась в её высшей точке.

⁴⁵ Внутри этого разочарования были нюансы, которые, видимо, до поры до времени оставались незаметны для самих участников. Некоторые утратили веру в способность советской власти выполнить взятые на себя обязательства по рациональному обустройству общества. Другие — в способности любой государственной власти решать эту задачу. Несколько парадоксально то, что, когда затем государство стало избавляться от претензий на контроль над одной сферой жизни за другой, первые оказались в радикальной оппозиции, а вторые — в лагере сторонников проводившихся реформ. Раскол 1990-х годов в значительной мере проходил по этой линии.

Литература

- Алексеев А. Н. 2003. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. 1, 2.* СПб.: Норма.
- Алексеев А. Н. 2005. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. 3, 4.* СПб.: Норма.
- Батыгин Г. С. 1991. Советская социология на закате сталинской эры. (Несколько эпизодов). *Вестник АН СССР.* 10: 90–108.
- Батыгин Г. С. (ред.) 1999. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах.* СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт.
- Божков О. Б., Протасенко Т. З. 2005. Гляжу в себя как в зеркало эпохи. *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 6: 2–13.
- Губа Е. С. *Журнал «Социологические исследования»: Эволюция публикационного пространства, 1974–1991 годы.* Неопубликованная рукопись.
- Докторов Б. З., Ядов В. А. 2008. Разговор через океан: о поколениях советских социологов на протяжении полувека. *Социальная реальность.* 4: 47–80.
- Здравомыслов В. А., Рожин В. П., Ядов В. А. 1967. *Человек и его работа (Социологическое исследование).* М.: Мысль.
- Козлова Л. А. 2001. «Без защиты диссертации»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1955 годы. *Социологический журнал.* 2: 145–158.
- Королевская О. В. 2009. *Естественная история маркетинга в советской и постсоветской России.* Неопубликованная рукопись.
- Костюшев В. В. (ред.) 1998. *Ленинградская социологическая школа (1960–1980-е).* М.: Институт социологии РАН.
- Максимов Б. И. 2010. «Звездные часы» ленинградской социологии. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.* 6: 17–19.
- Митрохин Н. А. 2009. Заметки о советской социологии. (По прочтении книги Бориса Фирсова). *Новое литературное обозрение.* 3 (98). URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/199/>
- Москвичев Л. Н. 1997. *Социология и власть. Сборник. Документы: 1953–1968.* М.: Academia.
- Ойзерман Т. И. 2004. «Марксизм не родился как Венера из головы Юпитера». Интервью А. П. Козыреву. *Вестник МГУ. Серия 7 (Философия).* 6: 40–61.
- Осипов Г. В. (ред.). 1970. *Советская социологическая ассоциация. Информационный бюллетень.* 37. М.: ИКСИ АН (Ротапринт).
- Осипов Г. В. (ред.) 1976. *Рабочая книга социолога.* М.: Наука.

- Русалинова А. А. 2008. Ленинградская социологическая школа 60–80-х гг. XX века и эмпирико-прикладные исследования на промышленных предприятиях. В сб.: Бороноев А. О. (ред.). *Российская социология. 4. Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине XX века*. СПб.: Издательство СПбГУ; 59–87.
- Семёнова В. 2010. «Мой долгий путь к профессии». Интервью Борису Докторову. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 6: 2–12.
- Соколов М., Бочаров Т., Губа К., Сафонова М. 2010. Проект «Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года». *Журнал социологии и социальной антропологии*. 3: 66–82.
- Типовой устав научно-исследовательского института при высшем учебном заведении*. 1984. Приложение к Приказу Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 4 мая 1984 г. № 310.
- Тощенко Ж. Т. 2007. «Социология в нашей стране возродилась сначала как политическая витрина». Интервью Б. З. Докторову. *Социологический журнал*. 4: 149–170.
- Травин И. И. 2008. «В социологию я пришел совершенно сознательно». Интервью Борису Докторову. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 1: 2–11.
- Фирсов Б. М. 2001. *История советской социологии 1950–1980-х годов*. СПб.: Алетейя.
- Шкаратан О. 2007. «Академические исследования требуют спокойствия». Интервью журналу «Экономическая социология». *Экономическая социология*. 8 (4): 6–22. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2007-8-4/index.html>
- Шляпентох В. Э. 2006. Социолог: здесь и там. Интервью Борису Докторову. URL: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/shlapentokh.html>
- Ядов В. А. 1999. Интервью Владимиру Козловскому. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2 (1): 3–10.
- Ядов В.А. (ред). 1972. *Социологическое исследование: Методология, программа, методы*. М.: Наука
- Ядов В.А. (ред). 1978. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности*. Л.: Наука
- Abbott A. 1981. Status and Status Strain in the Professions. *The American Journal of Sociology*. 86 (4): 819–835.
- Abbott A. 1986. Jurisdictional Conflicts: A New Approach to the Development of the Legal Professions. *American Bar Foundation Research Journal*. 11 (2): 187–224.
- Abbott A. 1988. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Abbott A. 2001. Linked Ecologies: States and Universities as Environments for Professions. *Sociological Theory*. 23 (3): 245–274.

- Beliaev E., Butorin P. 1982. The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context. *Social Forces*. 61 (2): 418–435.
- Bourdieu, P. 1988. *Homo Academicus*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Clark B., Van de Graaf J. H., Furth D., Goldsmith D., Wheeler D. 1978. *Academic Power: Patterns of Authority in Seven National Systems of Higher Education*. New York: Praeger Publishers.
- DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields. *The American Sociological Review*. 48 (2): 147–160. Русский перевод: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2010-11-1/index.html>
- Goldthorpe J. H., Hope K. 2008 (1972). Occupational Grading and Occupational Prestige. In: Grusky D. B. (ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Boulder, Colorado: Westview Press; 195–204.
- Greenfeld L. 1988. Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 14: 99–123.
- Gross A. 1990. *The Rhetoric of Science*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Hughes E. C. 1958. *Men and their Work*. Glencoe, Illinois: The Free Press.
- Latour B., Woolgar S. 1979. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London; Beverley Hills: Sage.
- Lynch M. 1995. *Scientific Practice and Ordinary Action. Ethnomethodology and Social Studies of Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- MacKenzie D. 1981. *Statistics in Britain, 1865–1930. The Social Construction of Scientific Knowledge*. Edinburgh: University of Edinburgh Press.
- MacKenzie D. 2005. *Is Economics Performative? Option Theory and Construction of Derivative Markets*. Paper presented at the annual meeting of the History of Economics Society. URL: http://www.sps.ed.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0017/3419/is_economics_performative.pdf
- Shlapentokh V. 1987. *The Politics of the Sociology in the Soviet Union*. Boulder; London: Westview Press.
- Sorensen A. 1995. The Structural Basis of Social Inequality. *The American Journal of Sociology*. 101 (5): 1333–1365.
- Starr P. 1982. *The Social Transformation of American Medicine*. New York: Basic Books.
- Strauss A. 1971. *Professions, Works and Careers*. San Francisco: The Sociology Press.
- Swales J. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Swales J. (ed.). 2004. *Research Genres: Explorations and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tullock G. 1975. The Transitional Gains Trap. *The Bell Journal of Economics*. 6 (2): 671–678.

Turner S., Turner J. 1990. *The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology*. Newbury Park: Sage.

Weinberg E. A. 2004. *The Development of Sociology in the Soviet Union*. Farham, Surrey: Ashgate.